

P 701(05)
С 81

Н. Ланкре (1690—1743)—„Купальщицы“.
Императорский Эрмитаж.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

FIAT

№ 48.

15 ДЕКАБРЯ 1915 г.

РУССКОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО АВТОМОБИЛЕЙ ФИАТЪ.
Петроградъ. Москва. Варшава. Харьковъ. Киевъ. Одесса. Николаевъ. Вильна. Ростовъ н/Д.
Евпаторія. Баку. Рига. Екатеринославъ. Елисаветградъ. Новороссійскъ. Эривань.

Отд. №—85 коп., въ кіоскахъ жел. дор.—90 коп.

**РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ
ЛИНІЯ
РУССКАГО ВОСТОЧНО-АЗІАТСКАГО
ПАРОХОДСТВА**

ПР. ВЛЕНІЕ: Петроградъ, В. О., Николаевская наб., 19/2.

АРХАНГЕЛЬСКЪ—НЬЮ-ІОРКЪ и ОБРАТНО.

Безъ остановокъ въ пути и безъ захода въ промежуточные порты.

ЕДИНСТВЕННОЕ ПРЯМОЕ СООБЩЕНІЕ МЕЖДУ

РОССІЕЙ и АМЕРИКОЙ

на быстроходныхъ почтово-пассажирскихъ пароходахъ

„ЦАРЬ“, „ЦАРИЦА“, „КАРСКЪ“ и „ДВИНСКЪ“.

Проездъ продолжается 12—14 дней. Пароходы отходятъ каждые 11 дн.

ОТДѢЛЕНІЯ: Архангельскъ, Тронскій, 82 и въ друг. городахъ.

АГЕНТСТВА: Москва, Старая пл., Грузинскій пер., 4 и друг. город.

Требуйте проспекты.

**ЛУЧШИЯ АНГЛІЙСКІЯ ДИМСКІЯ БЛУЗЫ
УДОСТОВЕРЕННЫЯ ВЫСШЕЙ НАГРАДЫ.
П. С. КУЗНЕЦОВЪ.**

Невскій пр., № 66, противъ Анчков. дворца. Магазины отдѣленій не имѣть.

(ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНИЕ) **Вл. Крымовъ. О ПРОЧЕМЪ.**

1 р. 25 к. Выписыв. изъ конт. „Ст. и Ус.“, Невскій 28—пересылка бесплатно.

(10-я тысяча) **ВЛ. КРЫМОВЪ.
ВЪ СТРАНѢ ЛЮБВИ и ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЙ.**

СОДЕРЖАНИЕ: Въ странѣ миллиардеровъ.—Газета и реклама.—По Вестъ-Индіи.—Въ Панамѣ.—Въ странѣ любви и землетрясеній.—Кинематографъ мысли.—Странные разсказы.—Монте-Карло.

Выписыв. изъ „Столицы и Усадьбы“, Невскій 28—перес. бесплатно.

Бывшій главный доверенный владѣльца крупныхъ сел.-хоз., лѣсныхъ и городскихъ имѣній (оставившій службу по военнымъ обстоятельствамъ), желаетъ бы принять отъ гг. земледѣльцевъ для веденія или исполненія, нѣсколькихъ порученій по дѣламъ земельно-административнаго характера: АДМИНИСТРИРОВАНИЕ ИМѢНІЙ, КОНТРОЛЯ, ОЦѢНОЧНО-ЗАЛогоВЫЯ КАЛЬКУЛЯЦИИ, ОЦѢНОЧНЫЯ РАБОТЫ съ цѣлью купли-продажи сел.-хоз. и лѣсныхъ имѣній.
Предпочтительный районъ—югъ, ю.-з. и с.-з. Россіи.
Многолѣтняя отвѣтственная практика.
Предварительно письменно: Петроградъ, Невскій просп., 13, контора объявленій
Эд. Петгольцъ, подъ лит. Организаторъ 2348

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ **ЗАПИСКИ ОЛИ ПЕТРОВОЙ.**

— НОВАЯ КНИГА —
Цѣна 1 руб. 50 коп.
Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЬ СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА.

Большинство №№ за 1914 и 1915 гг. полностью распространены, хотя печатались нѣсколькими изданіями.

**СТОЛИЦА
и
УСАДЬБА**

ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1916 ГОДЪ:

въ Петроградѣ 13 руб. 50 коп.
въ Россіи 14 руб. 50 коп.
за границей 40 франк.

Вслѣдствіе увеличенія цѣны на мѣловую бумагу съ 28 руб. до 106 руб. за стопу, подписная цѣна на журналъ, къ сожалѣнію, повышается на 2 руб. (только на время войны).

Отдѣльный номеръ (съ перес.)—85 коп.

Одинъ № для ознакомленія высылается за 30 коп.

РЕДАКЦІЯ: Каменный островъ, 31, площ. Старога театра, соб. д. Тел. 145-25.

КОНТОРА: Невскій, 28 (д. Зингера), конт. 10 (съ Невскаго на подъѣмной машинѣ, въ 3 этажъ). Тел. 260-51 и 171-38.

Объявленія (съ цензурой редакціи)—по 80 коп. строка непарелли (1/4 ширины страницы). Цѣлая страница 400 руб. № 49 (первый № подписки 1916 г.) выйдетъ 1 января 1916 года.

Прежнихъ подписчиковъ, возобновляющихъ подписку на 1916 годъ, покорно просимъ прилагать печатный адресъ. Подписчики, желающіе гарантировать получение журнала въ неизмѣтомъ видѣ, могутъ получать №№ въ конторѣ (Невскій, 28) или уплачивать за двѣ гофрированныя бумажныя прокладки для каждаго №. Раньше мы вкладывали по одной прокладкѣ (при иногороднихъ отправкахъ) бесплатно, но теперь, когда ихъ стоимость выросла втрое, просимъ желающихъ уплачивать дополнительно 1 руб. 50 коп. въ годъ.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПЕТРОГРАДСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОощРЕНІЯ РЫССТАГО КОЖИЗОВОДСТВА.

БЪГА

ДЕКАБРЬ: 3 (доб.), 6, 10 (доб.), 13, 17 (доб.), 20, 23 (доб.), 30 (доб.).

Начало бѣговъ въ 11 час. дня.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЬ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ.

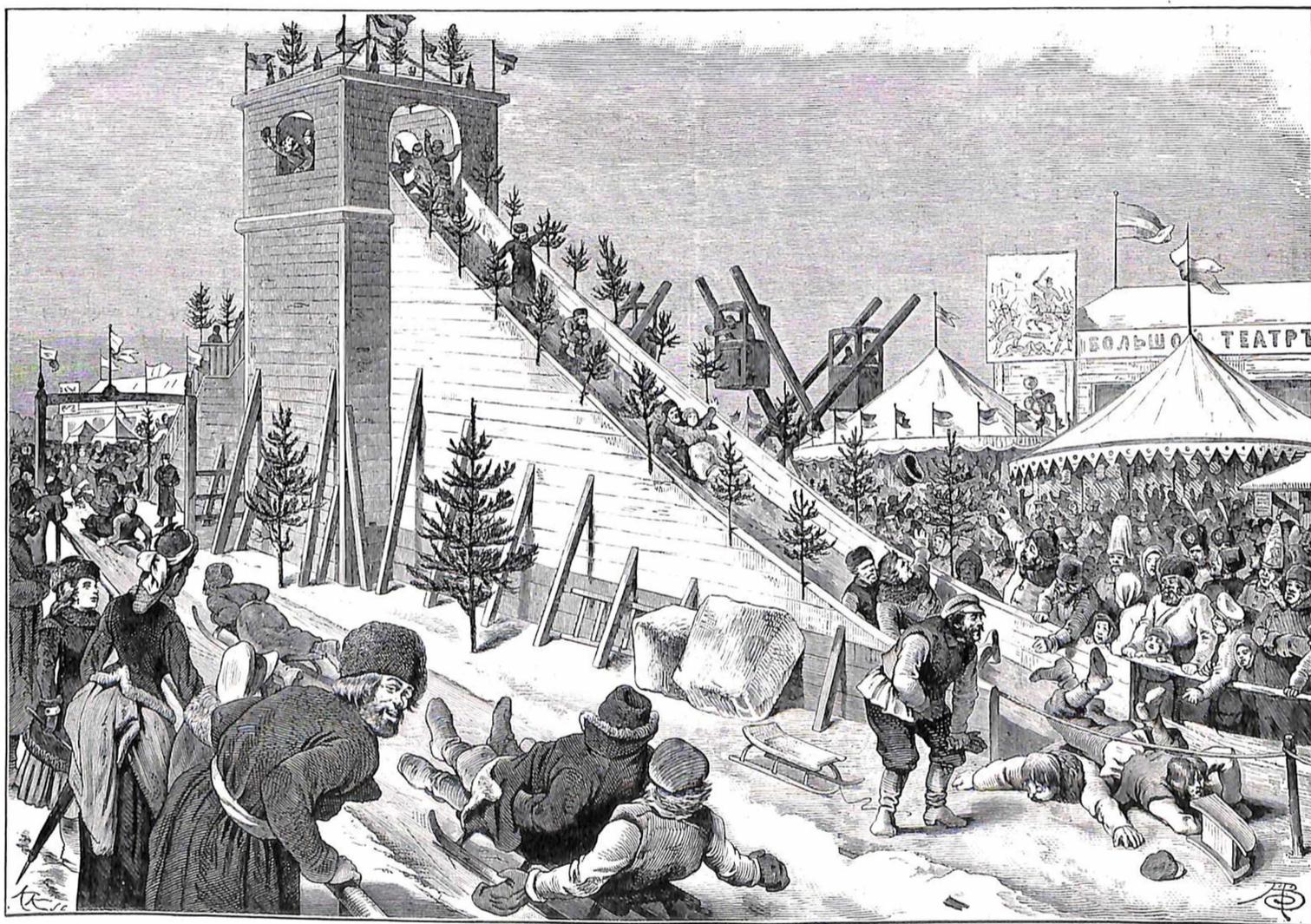
№ 48.

ЖУРНАЛЬ ВЫХОДИТЬ СЪ 15 ДЕКАБРЯ 1913 ГОДА.

15 ДЕКАБРЯ 1915 ГОДА.
ПЕТРОГРАДЪ.

КАТАНЬЕ СЪ ГОРЬ.

Рис. изъ соврем. иллюстриров. изданія.

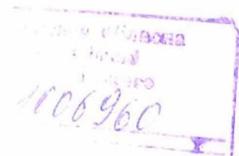

БАЛАГАНЫ.

(Изъ воспоминаній).

...40 лѣтъ назадъ Петербургъ выглядѣлъ совсѣмъ не такъ, какъ теперь. Не было ни электрическаго освѣщенія, ни телефоновъ, ни автомобилей, ни трамваевъ, ни Народныхъ домовъ, ни кинематографовъ. Жизнь шла куда медленнѣе, хотя жилось, пожалуй, веселѣе! Развлеченіями насъ, дѣтей, не баловали. Несмотря на дешевизну, посѣщеніе Императорскихъ театровъ было сопряжено съ

извѣстными расходами, и потому туда мы попадали очень рѣдко. Частныхъ театровъ имѣлось только два: „Буффъ“ (у Александринскаго театра), гдѣ игрались французскія оперетки, и „Театръ Берга“ (на Екатерининскомъ каналѣ, возлѣ Большой Мастерской ул.), культивировавшій кафе-шантанную программу, куда насъ, разумѣется, не пускали. Клубные спектакли были для насъ также

недоступны, и других развлечений, в течение года, кроме „балагановъ“ на Масленицѣ и на Пасхѣ, мы не знали.

Зато ужъ тутъ мы развлекались и веселились во всю!..

Еще задолго до Масленицы, въ свободное отъ школьныхъ занятий время, мы бѣгали на Царицынъ Лугъ (Марсово поле), чтобы убѣдиться, что наши милые балаганы дѣйствительно строятся.

Тамъ мы простаивали по нѣскольку часовъ, наблюдая, какъ плотники, въ тулупахъ и мѣховыхъ шапкахъ, вооруженные топорами, суетились между горами строительнаго матеріала, создавая будущіе „храмы искусства“, обѣщавшіе намъ такую массу наслажденій!..

Линія построекъ почему-то ежегодно мѣнялась. То балаганы стояли лицомъ къ Лѣтнему саду, то помѣщались противъ памятника Суворова, Павловскихъ казармъ или Михайловскаго сада.

Хотя морозъ безжалостно пощипывалъ носъ и уши, заставляя насъ выдѣлывать самыя замысловатыя „па“, чтобы согрѣть ноги, мы съ настойчивостью, достойной лучшей участи, почти до сумерекъ торчали на Царицыномъ Лугу, и только голодъ заставлялъ насъ спѣшить домой.

По дорогѣ мы вспоминали о прошлогоднихъ представленіяхъ и старались предугадать, что-то намъ покажутъ въ нынѣшнемъ? Вообще всѣ наши мысли были заняты только этимъ!..

За нѣсколько дней до Масленицы наше любопытство вполне удовлетворялось. По городу пестрѣли огромныя, разноцвѣтныя афиши, подробно сообщавшія обо всемъ, что насъ интересовало. Эти афиши мы заучивали почти наизусть!..

Вотъ и первый день Масленицы!

Объ этомъ даже можно и не говорить, такъ какъ съ улицы доносятся звуки бубенцовъ прифѣхавшихъ „веекъ“, наполняющихъ душу необыкновенной радостью, а въ кухнѣ уже готовить тѣсто для блиновъ!..

Мы съ самаго утра торчимъ у окошекъ. Наконецъ, бьетъ 12! Тутъ ужъ никакая человѣческая сила не можетъ удержать насъ. Получивъ отъ отца по 3 рубля, — цѣлый капиталъ! — мы съ братомъ выносимся на улицу.

Намъ необходимо попасть въ балаганы на первыя представленія, потому что на нихъ „играютъ все“, а затѣмъ станутъ сокращать, чтобы за день успѣть дать больше спектаклей, и мы можемъ многого не увидѣть!..

Улицы, благодаря обилію веекъ, снующихъ взадъ и впередъ, подъ веселые переливы колокольчиковъ, выглядятъ какъ-то особенно празднично. У всѣхъ радостныя, оживленныя лица!.. Слышна гармонія, смѣхъ!..

За „рицать“ копѣекъ вейка мчитъ насъ въ маленькихъ санкахъ, запряженныхъ мохнатой лошадежкой, на Царицынъ Лугъ. Только-бы не опоздать!

Наконецъ, мы на мѣстѣ нашихъ вождельнй.

Боже мой, какое восхитительное зрѣлище! Мы прекрасно знали, что „все это“ будетъ именно такъ, и, однако, не можемъ удержаться отъ криковъ восторга.

Шумъ и гамъ кругомъ стоятъ такой, что на первыхъ порахъ совершенно теряешься. Звукъ шарманокъ, гармоній, кларнетовъ, барабановъ и бубенъ сливаются съ визгами „Петрушекъ“, зазыванійми торговцевъ и „раѣшниковъ“, скрипомъ „перекидныхъ качелей“ и выкриками „дѣда“. Словомъ, веселье бьетъ ключомъ!

Однако, позвольте разсказать все по порядку.

На первой линіи высятся три или четыре большихъ балагана, громко именуемые „театрами“.

Строятся всѣ они на одинъ фасонъ, въ видѣ огромныхъ неуклюжихъ сараевъ, съ массой входовъ и выходовъ по бокамъ. Входы эти украшены декоративной живописью, флагами и лампонами. Тутъ-же нѣсколько кассъ. Внутри: сцена, оркестръ и затѣмъ идутъ лѣстницей ложи, кресла, первое, второе и третье мѣста. Цѣны недорогія, отъ рубля до двугривеннаго, причѣмъ „солдаты и дѣти платятъ половину“. Впускъ публики начинается съ ложъ. Когда всѣ уже усѣлись, тогда подъ самой крышей распахиваются широкія ворота третьяго мѣста и зрители буквально высыпаются, какъ горохъ изъ прорвавагося мѣшка, и бѣгутъ съ шумомъ

и визгомъ по наклонной плоскости, стараясь устроиться впереди другихъ. Не дай Богъ, если кто нибудь упадетъ — раздавятъ!

Освѣщеніе всюду керосиновое и очень скудное, только сцена залита свѣтомъ. Въ пожарномъ отношеніи всѣ эти „театры“ страшно опасны, и теперь, вѣроятно, ихъ ни за что-бы не разрѣшили, но тогда на вещи смотрѣли проще!..

Устройство сцены самое примитивное. Никакихъ машинъ и въ поминѣ нѣтъ, все дѣлается руками. Чистая перемѣна декораций, всегда поражающая публику своей быстротой, производится „живымъ грузомъ“. Плотники, по кулиснымъ лѣстницамъ, взбираются на самый верхъ и по сигналу, схватившись за веревки декораций, бросаются внизъ.

Актерскія уборныя узкія, сырыя и холодныя. Чтобы хоть нѣсколько согрѣться, приходится прибѣгать къ „живительной влагѣ“, на актерскомъ языкѣ „впустить въ себя зензобель“. Актеры и актрисы пьютъ одинаково и зачастую къ послѣднему представленію „лыка не вьжутъ“.

Впрочемъ, не будемъ останавливаться на этихъ темныхъ сторонахъ дѣятельности „жрецовъ искусства“!..

Подъ № 1-ымъ стоитъ „Театръ Малафѣева“, въ которомъ изъ года въ годъ даются разговорныя представленія, заимствованныя или изъ русскихъ сказокъ, или изъ историческихъ событій вродѣ „Осады Севастополя“ или „Покоренія Кавказа“.

Въ большихъ „театрахъ“ и декорации, и костюмы всегда вполне приличны. Вспоминаю теперь эти представленія, только диву даешься, какъ это тогдашніе режиссеры ухитрились, на сравнительно очень небольшой сценѣ, ставить сраженія, въ которыхъ участвовала и конница, и пѣхота, и артиллерія? Во всякомъ случаѣ, зрѣлища эти производили сильное впечатлѣніе на публику, состоящую не только изъ дѣтей и простаго народа. Въ тѣ времена „весь Петербургъ“ считалъ моднымъ посѣщеніе балагановъ.

Въ заключеніе всегда выступалъ очень хорошій русскій хоръ подъ управленіемъ старика Молчанова, пользовавшагося шумнымъ успѣхомъ.

Но, говоря откровенно, намъ „Театръ Малафѣева“ нравился меньше другихъ. Въ немъ не было ничего чудеснаго, сверхъестественнаго, что такъ увлекаетъ, заинтересовываетъ. Мы должны были посѣтить его, чтобы видѣть все и не оскандалиться передъ товарищами. Иначе до Пасхи не о чемъ будетъ и разговаривать!..

№ 2-ой — „Театръ Берга“. Вотъ это нашъ самый любимый театръ! Въ немъ ставится арлекинада. Ахъ, что это за прелесть! Положительно, лучше этого ничего нѣтъ на свѣтѣ!

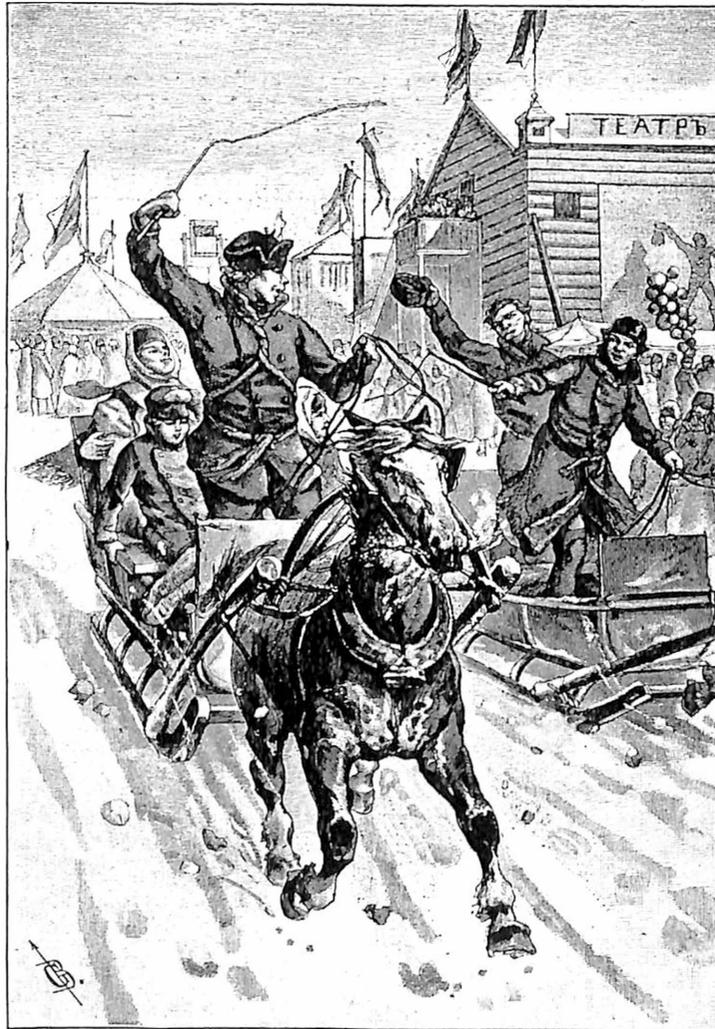
Арлекинъ, Пьерро или Мельникъ, Коломбина, Кассандръ — наши герои. Ими мы бредимъ. Подумайте сами, какія изумительныя превращенія! Арлекина, на глазахъ у всѣхъ, разрѣзаютъ на части, забиваютъ въ пушку и стрѣляютъ, а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, оживаетъ, насмѣхается надъ старымъ Кассандромъ, бьетъ глупаго Пьерро и похищаетъ Коломбину!

Во всемъ этомъ было такъ много неразгаданнаго для нашего пытливаго ума, хотя мы и не соглашались съ мнѣніемъ простаго народа объ „отводѣ глазъ“. Нѣтъ, тутъ, очевидно, было какое-то волшебство, и втайнѣ каждый изъ насъ мечталъ достать магическую палочку Арлекина. Посмотрѣли-бы мы тогда, что изъ этого вышло!

Если-бы позволило время, мы проснживали-бы по нѣскольку представленийъ въ этомъ театрѣ, но, увы, въ одинъ день мы обязаны побывать всюду.

№ 3-ій — обязательно звѣринецъ, который для насъ, уже вкусившихъ плодовъ просвѣщенія, былъ менѣе всего интересенъ.

На размалеванныхъ холстахъ, болтавшихся надъ зданіемъ звѣринца, были изображены животныя всѣхъ странъ свѣта, а на самомъ дѣлѣ ими даже и не пахло. Въмѣсто зебры показывали раскрашеннаго жеребенка; лисицу изображала дворняжка, зашитая въ лисью шкуру, раскрывая своимъ лаемъ плутни изобрѣтатель-

Катанье „на чухнахъ“ въ Петербургѣ.

(Рис. изъ соврем. „Нивы“).

Балаганы на Адмиралтейской площади (1869 г.). Карт. масломъ К. Е. Маковского.

(Хранится въ музей Александра III).

наго „импрессарио“. „Шестиногий теленокъ“ съ очень неуклюже придѣланными ногами, вызывалъ только наши насмѣшки.

Но простой народъ валомъ валилъ посмотреть эти „чуда природы“, между которыми непременно фигурировалъ скелетъ необыкновеннаго экземпляра животнаго міра, происшедшій будто-бы отъ носорога и акулы или мартышки и попугая. Не мало находилось наивныхъ людей, которые вѣрили въ подобный вздоръ и подолгу про-

Ф. П. Щедровскій. Музей Александра III.
Странствующие музыканты.

ставвали возлѣ скелета, многозначительно покачивая головами. Малоли чудесь на свѣтѣ!

Господинъ, дающій объясненія въ звѣрицѣ, плелъ такую околесицу, что уши вынули, а когда ему дѣлали замѣчанія, онъ отговаривался:

— Это не для васъ, это для простого народа!

* * *

За первой линіей балагановъ разгаръ веселья, настоящій „базаръ житейской суеты“.

На скамейкахъ, за столиками,

расположились рабочіе, солдаты, прислуги и пьютъ съ промерзшими баранками, которыхъ не раскусить, коричневую бурду, именуемую сбитнемъ. Она кипятится тутъ-же въ колоссальныхъ размѣровъ мѣдномъ самоварѣ, отапливаемомъ березовыми полѣньями. Самоваръ неустойчиво дымитъ, но на такія пустяки никто не обращаетъ вниманія. Рядомъ примостился „раѣшникъ“.

— А вотъ извольте посмотреть, — вопиетъ онъ, — городъ Парижъ, туда прѣдешь — угоришь!

Прильнувъ къ запотѣвшему стеклышку, вы видите какую-то лубочную картинку, на которой ничего нельзя разобрать, а „раѣшникъ“ продолжаетъ:

— А вотъ Папа Римскій, что ни пьетъ водки Крымской, а все очищенную!

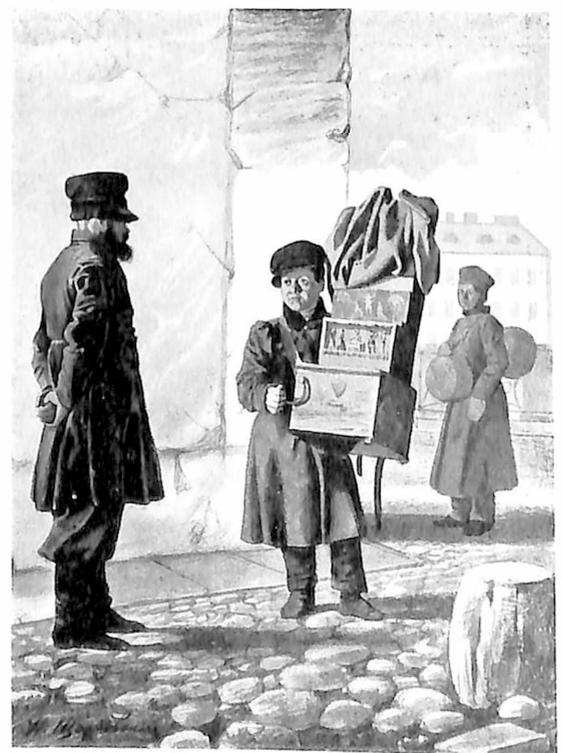
— Молодчина! — искренно восхищается кто-то.

Вѣдь тутъ все принимается за чистую монету.

Мѣняя картинку, „раѣшникъ“ неизменно почему-то прибавляетъ, но уже совершенно другимъ тономъ:

— Идутъ и ѣдутъ!

Ф. П. Щедровскій. Музей Александра III.
Шарманщикъ.

Кто идет, кто идет и куда—покрыто мраком неизвестности. Показав несколько совершенно бессмысленных картинок, он восклицает:

— А вот извольте посмотреть, два дурака дерутся, а третий смотрит!

Однако на картинке видны только двое.

— Дяденька,—любопытно зритель,—а где же третий?

— А ты-то!—хладнокровно отвечает «раешник» и заканчивает: Хороша, да последняя!

Сеанс окончен. Платим пятачек и двигаемся дальше.

Перед глазами мелькают заманчивые вывески с изображением улыбающегося «Михеля», лукаво указывающего пальцем на надпись: «Берлинские пышки» или «Висские сосиски», которые тут же пекутся и варятся поварами в бляхлых колпаках и передниках. Из чего делается то и другое—сказать трудно, так как вкуса в них нет никакого, но... «за вкус не беру, а горячо будет».

Вдруг в толпе раздается взрыв смеха и перекатами идет по всей площади.

Это уже «дядя» отличается.

Быть на балаганах и не послушать «дядю», все равно, что быть в Риме и не видеть Папы.

В парке и борде из папки, он спует по балкону так называемых «теплых каруселей», построенных в два этажа со множеством входов, задернутых занавесками, из-за которых слышатся звуки шарманки, кларнета и бубня.

Рядом с «дядькой» юлит традиционная «казачка», наблещенная и нарумяненная, как кукла.

На нее, впрочем, «дядя» обращает мало внимания, развзв изрядка попляшет, да похлопает ее на потеху почтеннейшей публики, которая, развзвив уши, слушает его разглагольствования.

— У меня жена такая красавица, — хвастает дядя, — что лошади пугаются, а извозчики ругаются! Полюбуйтесь-ка!

И показывает ее портрет, не имьющий человеческого подобия.

— Поштенные, торопитесь брать билеты на мою лотерею, — предлагает он.— Разыгрывается кофейник, без крышки, без дна, только ручка одна! И еще письменный стол, под красным сукном, на замок запирается, а кто выигрывает, у того назад отбирается!

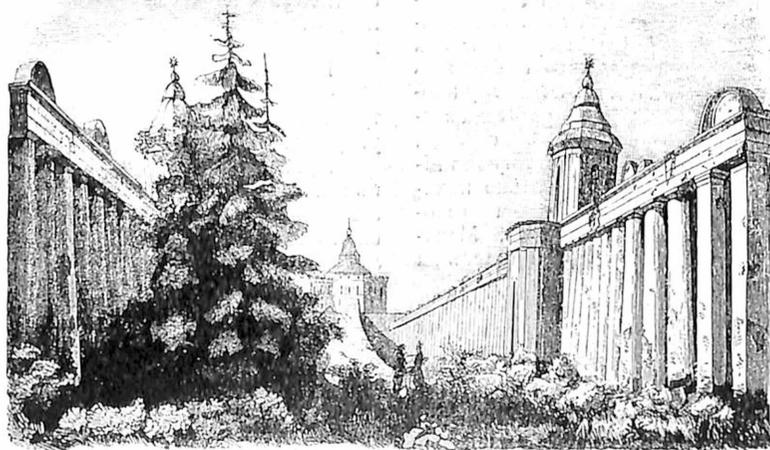
Остроумие дяди вызывает фурор. Толпа хохочет до колик, а он, указывая пальцем куда-то, снова кричит:

— Православные, гляньте-ка, рыжий кошелек стащил!

Толпа волнуется, но это только шутка, хотя вообще дядя относится к рыжым с большим предубеждением.

Так как сильно морозит, дядя поддерживает в себе температуру водочкой и, мало-помалу хмляя, начинает отпускать такие словечки, что приличная публика шарается от балкона, как ошпаренная...

У «Стрельбы в Цель» не протолкнутся. Люди положительно лежат один на другом, сопровождая возгласами одобрения каждый удачный выстрел и насмешками промах. Девичья, заряжающая ружья, умоляет публику «не напираться», но ее

мольбы остаются не исполненными, и животрепещущая постройка грозит каждую минуту разрушением...
«Петрушка Уксусов» из себя выходит, хлопая «мудрое начальство в деревянный лоб», за что в конце концов и попадает в руки страшного Сатаны. Но особенным успехом он не пользуется, так как его можно видеть круглый год повсюду.
Идем дальше.
«Перекидные качели» такой первобытной постройки, что и глядеть-то на них страшно. Но русский народ ничего не боится! Длинный хвост ждет очереди. С визгом, высоко вздымаются кютики с четырьмя пассажирами и, сбавив в воздухе круг, опускаются. Ух, как сердце замирает! Зато сверху виден весь Царицын Луг, кишаший, как огромный муравейник. Слабый полз пронзительно визжит, не столько от страха, сколько из кокетства, а кавалеры посмиваются, щелкая подсолнечники...

Орехов, пряников целые возы! А вот и знаменитая халва бляя и розовая, которую, чтобы отвесить, разрубают топориками. Безвкусная и клейкая, она вязнет между зубов, не позволяя разжать их... Сайки с икрой, моченые груши, малиновый и лимонный квас, подозрительного цвета, все это безтрепетно поглощается желудками! На то и Масленица!

Переходим на следующую линию.

Здесь балаганы в меньшем виде. В одном показывается «женщина с бородой», которую «просят руками не трогать», так как она... привязная и, «человкк без желудка, глотающий горячую паку». Зрелище не особенно интересное. У входа «парад». Пьерро неестественной толщины, — у него под костюмом надто теплое пальто, — бьет в турецкий барабан и осипшим голосом заывает публику. Рядом с ним девичья в костюме акробатки, по той же причине потерявшая человеческий образ, дудит в тромбон...

В другом балагане дают пьесы вроде «Кузмы Рощина» или «Царя Навуходносора». Декорации ужасны, костюмы и того хуже. Достаточно сказать, что царь Навуходносор щеголяет в турецких шароварах, красном плаще и индусском тюрбане. На шею у него на цепочке висит полицейский свисток, в который он свистит для перемены декораций. Актеры тут второстепенные, да их и немного, так как каждый играет по несколько ролей. При покупке билетов в эти «театры» можно торговаться; уступают 50 процентов.

Дальше видны высокие ледяные горы, почему-то называемые «американскими», о каких теперь мы и понятия не имеем...

Надвигаются сумерки. Первая линия «театров» освещается разноцветными лампами, придавая им какой-то волшебный вид...

Вокруг Царицына Луга движется вереница всевозможных экипажей. В каретах катают институток, с любопытством разсматривающих необыкновенную для них картину...

Наняв снова вейку, мы с грустью покидаем место веселья, нахватавшись всевозможных впечатлений и набив животы всякой дрянью...

Прощайте, милые балаганы, до Пасхи!..

Левъ Ивановъ.

Катальная гора в Ораніенбаумъ, въ сороковых годахъ прошлаго столѣтія.

ЦЫГАНЕ.

Цыганская полоса русской жизни, воспетая Апухтинным, Островским, Лесковым, Щедриным, гр. Радопчиной, Серг. Атавой, Боборыкиным и другими, отходит в область предания.

В числе «забав» чуть ли не первое место недавно еще занимало цыганское пение, которым даже в торжественных случаях, на раутах, угощали приезжих гостей — французов и англичан, как чьм-то, наряду с катаньями на тройках, неизбежным традиционным «русским», хотя гр. Ал. Толстой совершенно верно замечил о происхождении цыганских напевов — «из Индии дальний напев прилетел», а автором наиболее популярных цыганских песен оказывается инженер п.т. сообщ. ген. А. Н. Андреев...

И вот цыганская область искусства, если только можно назвать искусством это музыкальное декадентство, отходит в область предания... Дяла наших цыганских хоров обстоит неважно —

это цыгане сами сознают. Поют сейчас в России три четыре хора — и только.

* * *

Цыганский хор, по приглашению гостя, не замедлит явиться на зов в кабинет ресторана, пестрый, разряженный. Кроме обычно принятого в таких случаях «угощения» (вином) — за каждую спетую песню обыкновенно взимают 5 руб. и меньше двадцати песен, бывало, не поют, так что за какойнибудь час надо выкинуть сотни двѣ, тогда они довольны, и дѣлят на другой день, со спорами, в своем трактире на Черной рѣчкѣ или на квартирѣ Шишкиных, заработанные накануне деньги, между всѣми, на «пан»: судя по тому, сколько кто из семей поющих в хорѣ имѣет «наевъ», тот столько и получить.

ЦЫГАНКИ.

Варя Данченко (вверху).
Маня Данченко (внизу).

Катя Зубова (вверху).
Московская цыганка Гроховская (внизу).

Шура Масальская } посреднѣ —
Дамаша Данченко } сверху
Шура и Лѣля Ильинскія } внизъ

М. Х. Шишкина.

Маня Ильинская.

Московскій цыганскій хоръ въ подмосковномъ имѣніи графа Орлова-Давыдова „Отрада“ (въ 60-хъ годахъ).

Съ рѣдкой современной фотографіи.

Бессонныя ночи въ хору, ежедневное хожденіе въ 11 час. ночи, во всякую погоду, часто пѣшкомъ и „безъ дѣла“ въ отдаленныя загородныя рестораны, конечно, тяготятъ цыганку, ей хочется пожить „настоящей жизнью“, а не сидѣть наряженной куклой, ждущей иногда безцѣльно до самаго утра гостей и обаянной, часто для семьи, способствовать ихъ пьяному веселью, разгулу, забавлять и тянуть съ пьянаго гостя все что можно и въ то же время „соблюдать себя“, ибо за ней учрежденъ неослабный, негласный надзоръ, въ лицѣ „старшинъ“ хора, выборныхъ стариковъ, въ рискованный моментъ появляющихся словно изъ подъ земли. Такая жизнь опостылѣла большинству цыганокъ, и это вполне понятно.

* * *

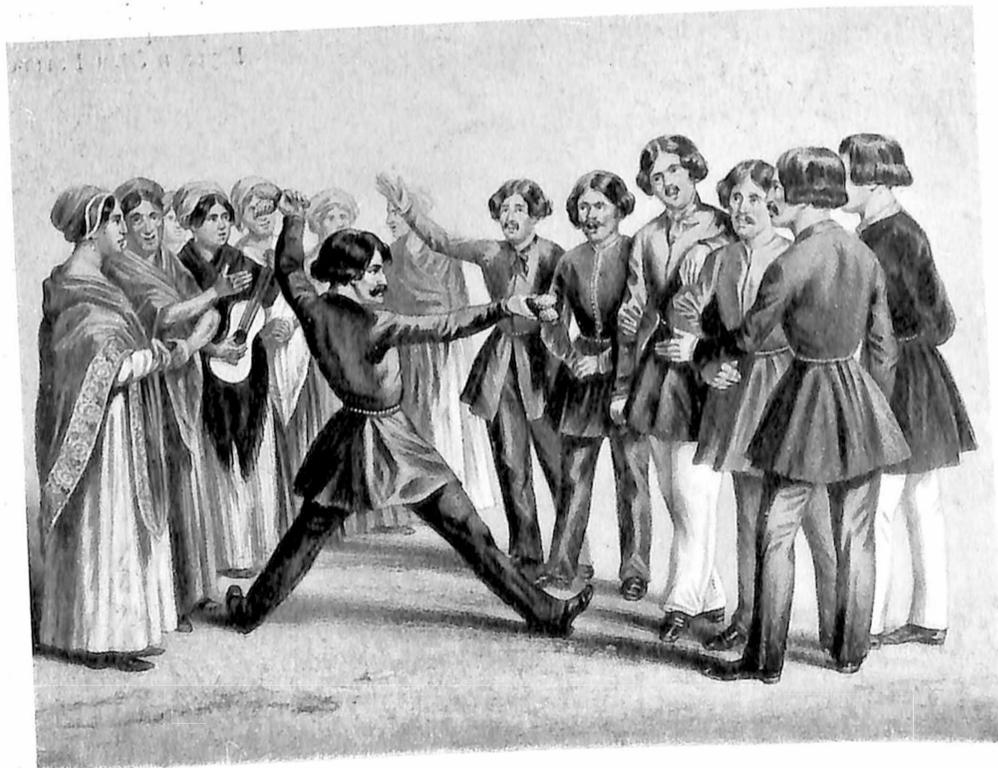
Недавно въ одномъ изъ поющихъ въ Петроградѣ хоровъ была „восходящая звѣзда“, которая такъ и не успѣла взойти, умерши отъ чихотки, послѣ романческаго похищенія ея изъ „Акваріума“ свѣтл. княземъ * * *, поселившимъ ее въ роскошномъ особнякѣ на Англійской набережной. Восходящую звѣздочку звали Шура Масальская. Тоненькая, полуробеночекъ, со смугловатымъ личикомъ, съ большими черными, жгучими глазами, — эта 15 лѣтняя дѣвочка одарена была на рѣдкость силь-

нымъ, красивымъ груднымъ контральто. Князь увезъ на собственномъ автомобилѣ, почти на глазахъ у цыганъ, ихъ „восходящую звѣзду“ и первую солистку...

Не менѣе романческаго похищенія состоялось, не задолго до закрытія, въ Крестовскомъ саду. Сынъ богатаго помѣщика, прозванный цыганами „Чертъ Ивановичъ“, пріѣхалъ на Крестовскій, занялъ кабинетъ и позвалъ цыганъ. Съ нимъ бѣжала под утро Варя Данченко, красивая дѣвочка, вовсе и не похожая на цыганку, блондинка, съ большими сѣрыми глазами, тогда уже, въ 15 съ чѣмъ-то лѣтъ, сводившая съ ума блестящую молодежь и

старыхъ цыганомановъ, вѣчно окруженная блестящими правовѣдами и лиценстами. Помню передъ тѣмъ таинственныя свиданія ея съ похитителемъ въ ресторанѣ Кюба на Каменномъ островѣ, куда она ѣздила и привозила оттуда бонбоньерки засахаренныхъ каштановъ, рассказывая мнѣ, что тамъ она, сидя вдвоемъ, поетъ съ распущенными волосами. Этотъ побѣгъ былъ устроенъ по всѣмъ правиламъ, какъ въ романахъ Марлинскаго.

Всю ночь, до закрытія ресторана, лиценсть сидѣлъ съ любимой дѣвушкой, было весело, пѣли и пили, а только забрежжилось — къ зимнему Крестовскому подкатила тройка съ бубенцами, на которой онъ умчалъ свою

Цыганская пляска. Старинная литографія изъ собр. А. А. Плещеева.

возлюбленную. — „Я безумно люблю его... одного“, — шептала краснѣя и волнуясь, успѣвая передъ уходомъ улучшить минутку и подойти незамѣтно къ моему столику, цыганка Варя. — „Сейчасъ бѣгу изъ хора съ Чертомъ Ивановичемъ“. Это говорила она, вся трепеть и волненіе, зардѣвшаяся, почти дѣвочка-цыганка, выросшая на моихъ глазахъ въ строгой „церковной“, патриархальной семьѣ, и я не могъ ей не вѣрить, особенно когда на другой день при встрѣчѣ съ ея матерью и сестрами я видѣлъ, какое горе и слезы причинилъ имъ ея неожиданный побѣгъ. Въ этотъ же день старшая сестра, по прозванью „Галка“, получила письмо „Черта“ съ объясненіями, что Варя ушла навсегда и покинула хоръ и семью. Всѣ, конечно, возмуща-

Цыганскій таборъ у гор. Измаила.

Фот. Т. Л. Чернятынскаго.

Семья цыганъ Ильинскихъ (въ Петроградѣ).

ского министра Б. На Дунѣ Васильевой женился литераторъ К., на Лизѣ Хлѣбниковой — покойный нынѣ издастъ „Биржевыхъ Извѣстій“ П. Ф. Левдикъ, на Лелѣ Ильинской — инж. Ц., и т. д.

Выходя замужъ, становясь богатыми, цыганки остаются обыкновенно друзьями своего хора, въ трудную минуту помогаютъ ему. Цыганка первая по богатству, Ольга Андреевна Шишкина, и посейчасъ сохранила теплыя отношенія съ той средой, откуда она вышла. Такъ же и Сольская, бывшая цыганка Шишкинскаго хора, и другія...

Въ послѣднее время о цыганскихъ бракахъ не слышно. Вообще „цыганоманія“ вымираетъ. И кутежей бывшихъ не стало. А бывало еще недавно — цѣлой ватагой нагрянетъ къ цыганамъ на квартиру компанія загулявшихъ гостей или въ имѣніе къ богатому помѣщику — весь хоръ выпишутъ, и начнется „пиръ на весь міръ“, пиръ у „Потѣмкина“, какъ называли цыганки разухабистый кутежъ со швыряньемъ денегъ.

Н. Н. К.

Исай Дворищинъ,
режиссеръ.

Этотъ портретъ Шаляпинъ нарисовалъ пальцемъ, размазывая гримировальныя краски, на двери закулисной уборной Народнаго дома (въ Петроградѣ).

(Фот. М. П. Огнева).

лись, особенно заправили хора, не получившіе отъ богатаго „гостя“ ни гроша выкупа, причемъ и его, доставлявшаго хору большой доходъ, они безвозвратно теряли вмѣстѣ съ ней. Впрочемъ, выкупы изъ хора вообще стали рѣдки, побѣги участились, а въ послѣднее время выкупы совсѣмъ прекратились.

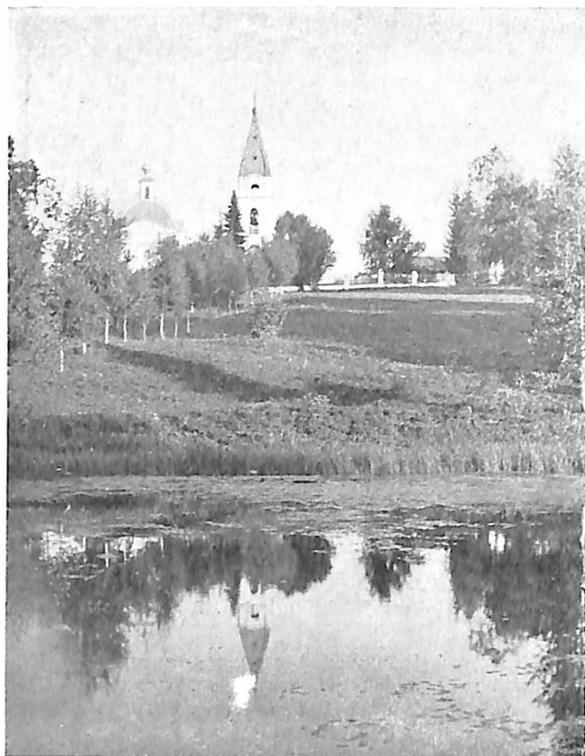
Незадолго передъ тѣмъ блестящій гвардеецъ князь Ѳ. П. Масальскій (убитый въ бою подъ Ляояномъ) увезъ безъ всякаго выкупа сестру Вари — красавицу Домашу, причемъ побѣгъ устроенъ былъ изъ квартиры родителей, среди бѣла дня. Вмѣстѣ съ Домашей бѣжала и способствовавшая ея побѣгу, задушевная ея подруга, выросшая сиротой въ этой семьѣ, 16-ти лѣтняя Дуня. Князь только что кончилъ тогда Лицей, и это было первое его, чистое юношеское и послѣднее увлеченіе. По смерти князя Домаша вышла замужъ за гитариста и дирижера цыганскаго хора Алексѣя Шишкина.

Еще нѣсколько цыганскихъ браковъ, нашумѣвшихъ въ свое время.

Цыганку Лизу Панкову „увезъ“ изъ Крестовскаго сада С. П. Араповъ, женившійся на ней. Лиза Морозова изъ Акваріумовскаго хора вышла замужъ за покойнаго нынѣ свѣтл. князя Витгенштейна; Груша Панкова — за помѣщика Анненкова. Извѣстный публицистъ С. женился на солисткѣ Шишкиной изъ Самарканда, а ея сестра Ольга вышла замужъ за сына бывшаго мор-

ИВАНОВСКОЕ.

Прудъ въ саду и церковь.

Входъ дома со стороны сада.

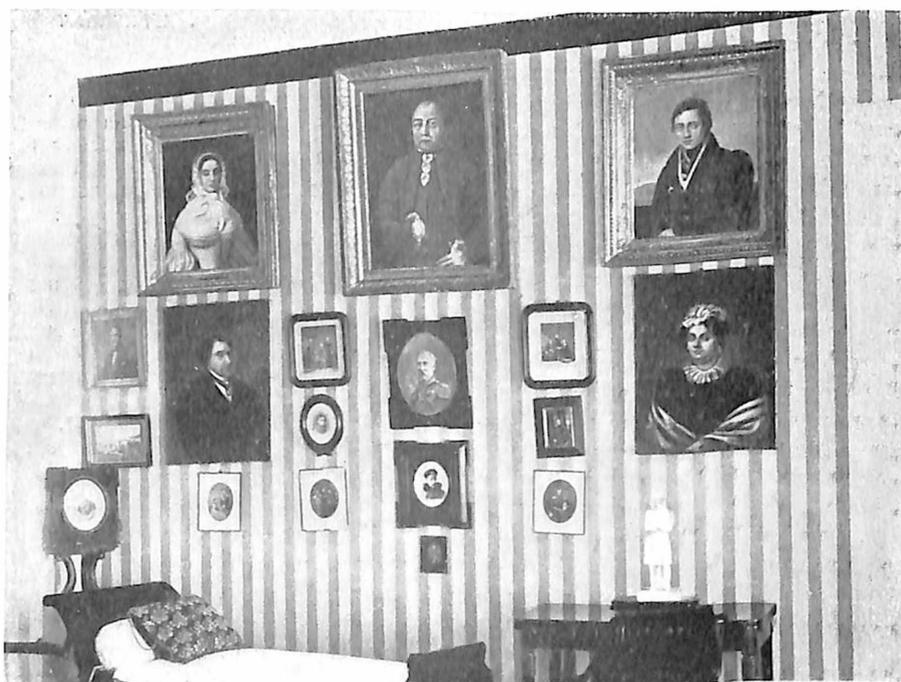
Имѣніе Костромскаго Губернскаго Предвод. Дворянства, Сергѣя Ивановича Бирюкова, Ивановское, Костромскаго уѣзда. Приобрѣтено дѣдомъ его въ 1835 году отъ кн. Вяземскихъ, когда и былъ выстроень существующій и понынѣ усадебный домъ.

Галлерей предковъ.

Наталя Серг. и Варвара Серг. Бирюковы, сестры милосердія, съ начала войны работали въ Костромскомъ госпиталѣ Краснаго Креста, а затѣмъ младшая, В. С. весною была командирована мѣстною Федоровскою общиною въ Варшаву, гдѣ работала въ Костромскомъ госпиталѣ и послѣ его эвакуаціи изъ Варшавы продолжаетъ служить въ немъ же, въ Петроградѣ.

Галлерей коронованныхъ особъ и историческихъ лицъ: Барклай-де-Толли, Кутузовъ и проч. Мебель краснаго дерева, работы старинной фирмы Гамжа, съ 40-годовъ стоитъ зимой въ нетопленныхъ комнатахъ, а лѣтомъ отогрѣвается, и нигдѣ даже фанера не треснула. Рядомъ съ этой комнатою—старинная библиотека, въ которой имѣются: Первое изданіе Исторіи Государства Россійскаго Карамзина; за цѣлые года: Современникъ, Московскій Телеграфъ и проч. Мебель тоже старинная, краснаго дерева.

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— Фокинъ не прибавилъ себѣ лавровъ послѣдними своими балетами.

— А всетаки идея выразить въ танцахъ стenanія душъ грѣшниковъ въ Дантовомъ аду оригинальна и смѣла... Изъ „Франческа да Римини“, съ этой дивной музыкой, можно сдѣлать превосходный одноактный балетъ... только безъ убійствъ.

— Эти убійства и ужасы—bête noire нашей художественной мысли. Посмотрите на картинныхъ выставкахъ—все то же самое, ужасъ и боязнь дѣйствительно красиваго, въ особенности обнаженнаго. Французскій салонъ часто наполовину пи, и это никого не смущаетъ, ничьей морали не тревожитъ. Художникъ, который умѣетъ хорошо написать женское тѣло, напишетъ что угодно: это аксіома художниковъ. Нѣтъ ничего труднѣе для кисти или карандаша, какъ уловить малѣйшіе нюансы тѣла—нѣтъ рѣзкихъ тѣней, а полутѣни сплошь...

— Намъ нельзя вдаваться въ этотъ жанръ, мы сейчасъ же оплошамъ, нѣтъ чувства мѣры. Наши художники слишкомъ рѣдко образованы... Не только художники—и литераторы тоже, все самоучки или изъ шестого класса. То громадное знаніе, та эрудиція, какой блещутъ западно-европейскіе писатели, у насъ встрѣчаются только какъ оазисы въ пустынѣ...

— Наши считаютъ, что имъ уже не надо ежедневно, до конца жизни, учиться и быть въ курсѣ того, что думаютъ и дѣлаютъ другіе. Они хотятъ только писать—читать не обязательно...

— Вы слишкомъ строги! Есть извиняющія вину обстоятельства. У насъ писателю куда труднѣе жить, онъ принужденъ выколачивать строчки, подлаживаться подъ заказы журналовъ, и ему некогда работать надъ собой. Въ Англии одна книга, имѣвшая успѣхъ, дѣлаетъ писателя независимымъ, почти богатымъ: она разоидется въ пятидесяти тысячахъ въ самой Англии, а потомъ ему заплатятъ десятки тысячъ за право изданій въ Америкѣ, Индіи, Новой Зеландіи, Трансвалѣ... Тиражъ сто тысячъ легко достижимъ, а у насъ при большомъ успѣхѣ десять тысячъ экземпляровъ. Богатство писателей въ будущемъ, когда нашъ народъ станетъ читать...

— И не будетъ пить,—вставилъ кто то.

— Пить будемъ, но не такъ безобразно, какъ до сихъ поръ. Алкоголь даетъ яркость жизни, совсемъ безъ него тоска и уныніе. Вино переноситъ наше сознаніе въ четвертое измѣреніе и, по моему, до сихъ поръ не могутъ найти этого четвертаго измѣренія только потому, что его не тамъ ищутъ. Четвертое измѣреніе—это время, забвеніе... то забвеніе, которое лѣчитъ всѣ душевныя раны и даетъ разуму новые пути, совсемъ неожиданные... Вино переноситъ туда, вино уско-ряетъ время.

— Вы по обыкновенію начинаете сыпать парадоксами, и потомъ сами же будете трунить надъ тѣми, кто приметъ всерьозъ.

— На этотъ разъ говорю искренно... Помните у Локка въ

его „Бродягъ“ дворецъ дипломатіи—капители колоннъ внизу, сами колонны падаютъ, куполь повисъ, все спутано и вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ архитектурномъ безуміи пробивается что то гениальное... Въ самомъ дѣлѣ! какъ жаль, что не объявятъ до сихъ поръ такого конкурса, вотъ благодарнѣйшая фантазія для какого нибудь уставшаго отъ жизни, притупившаго впечатлѣнія, миллионера...

На этомъ разговоръ прервался ужиномъ и такъ и осталось не яснымъ, говорилъ ли онъ серьезно.

* * *

— Къ художественному новаторству критика должна подходить очень осторожно. Тамъ, гдѣ сразу кажется только кривлянье и рекламная шумиха, можетъ быть таятся результаты большой работы, искорки гения, линии новыхъ путей, которые еще не ясны всѣмъ, кромѣ самого художника...

— Я помню, говорилъ большой художникъ, какъ профессоръ въ Академіи пичкалъ ихъ, учениковъ тогда, Полема Веронезомъ— „Поля Веронезъ, Поля Веронезъ... на каждомъ шагу Поля Веронезъ... А мы ничего въ этомъ Веронезѣ найти не могли. Много разъ послѣ того я видѣлъ въ разныхъ галереяхъ Поля Веронеза и все-таки ничего исключительнаго въ немъ не находилъ. И вотъ недавно, въ Москвѣ, мнѣ пришлось писать женскій портретъ. Начинать нѣсколько разъ и все не ладилось... И вдругъ я увидѣлъ Поля Веронеза! его тона, увидѣлъ ихъ на кожѣ, на платьѣ, сразу точно какое то просвѣтлѣніе... Сорокъ лѣтъ не видалъ ихъ, а тутъ вдругъ увидѣлъ, и тогда портретъ былъ оконченъ въ нѣсколько сеансовъ. Я вспомнилъ профессора и понялъ только черезъ сорокъ лѣтъ Поля Веронеза“...

Этотъ рассказъ я слушалъ тогда съ большимъ интересомъ. Я не художникъ, но съ годами сталъ понимать и видѣть то, чего раньше не понималъ и не видѣлъ. Иногда это приходитъ съ годами, иногда даръ Божій отъ рожденія...

Всѣ новыя направленія и школы создавались изъ неуклюжихъ часто исканій. Исканіе—это тотъ священный порывъ, который движетъ культурой. Вспомнить хотя бы недавнее—французскій импрессионизмъ или блеклые тона Пювисъ де Шованна или даже нашего Нестерова: они были странны, непривычны, потомъ глазъ привыкъ и это странное осталось звеномъ въ вѣчной цѣпи искусства. Такихъ примѣровъ десятки, сотни, во всѣхъ областяхъ жизни культурнаго духа, не только въ искусствѣ.

И вотъ все-таки, такъ оговорившись, все перебравши въ мозгу, не можешь сказать, что выставка „Мира Искусства“ блещетъ искорками исканій, что тутъ лабораторія новыхъ путей, что тутъ таланты новаго творчества—тускло, мизерно и холодно на полотнахъ, какъ холодно и въ залахъ, гдѣ они развѣшаны... — За немногими исключеніями—добавилъ кто то.

Эскизъ карандаш. Фенди (1823 г.).
Изъ альбома П. И. Кёппена.

СТАРИННЫЕ АЛЬБОМЫ АКАДЕМИКА П. И. КЕППЕНА.

Родоначальникомъ всѣхъ альбомовъ надо считать тѣ средневѣковые большіе каталоги, которые хранились въ монастыряхъ и предназначались для почетныхъ посѣтителей, куда они и заносили свои имена, иногда съ выдержками изъ различныхъ текстовъ священнаго писанія или изъ древнихъ авторовъ. Впослѣдствіи, особенно въ XVII и XVIII столѣтіяхъ почти каждый нѣмецкій студентъ имѣлъ при себѣ въ карманѣ или въ сапогѣ „stammbuch“.

Въ каникулярное время, возвращаясь изъ университета домой (обыкновенно пѣшкомъ), а также во время обратнаго слѣдованія на ученье, студентъ захаживалъ обыкновенно въ разные ближайшіе города и деревни къ тому или другому знаменитому профессору (въ ту пору было много извѣстныхъ гуманистовъ) и предлагалъ ему свою записную книжку для автографа, которые чаще всего

дѣлались на латинскомъ, греческомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

У П. Л. Вакселя въ его обширномъ музеѣ сохраняется одинъ изъ подобныхъ stammbuch'овъ, принадлежавшій нѣкогда Дюппельмейеру изъ Нюрнберга (начало XVIII вѣка).

Я вспомнилъ о студенческихъ stammbuch'ахъ именно потому, что къ нимъ, какъ нельзя болѣе, примыкаютъ альбомы академика П. И. Кёппена (1793—1864 г.),—извѣстнаго статистика и слависта, бывшаго однимъ изъ учредителей императорскаго географическаго общества.

Въ старинныхъ переплетахъ съ золотыми обрѣзами и металлическими застежками, въ кожаныхъ футлярахъ, они по внѣшности и по внутреннему содержанию (преобладаетъ тотъ же профессорскій элементъ) удивительно напоминаютъ ихъ, но только отличаются несравненно большимъ объемомъ и относительной роскошью.

ИЗЪ ЭКЗОТИЧЕСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

— Фокинъ не прибавилъ себѣ лавровъ послѣдними своими балетами.

— А всетаки идея выразить въ танцахъ стenanія душъ грѣшниковъ въ Дантовомъ адѣ оригинальна и смѣла... Изъ „Франческа да Римини“, съ этой дивной музыкой, можно сдѣлать превосходный одноактный балетъ... только безъ убійствъ.

— Эти убійства и ужасы—вѣте поге нашей художественной мысли. Посмотрите на картинныхъ выставкахъ—все то же самое, ужасъ и боязнь дѣйствительно красиваго, въ особенности обнаженнаго. Французскій салонъ часто наполовину пи, и это никого не смущаетъ, ничьей морали не тревожитъ. Художникъ, который умѣетъ хорошо написать женское тѣло, напишетъ что угодно: это аксіома художниковъ. Нѣтъ ничего труднѣе для кисти или карандаша, какъ уловить малѣйшіе нюансы тѣла—нѣтъ рѣзкихъ тѣней, а полутѣни сплошь...

— Намъ нельзя вдаваться въ этотъ жанръ, мы сейчасъ же ополчимъ, нѣтъ чувства мѣры. Наши художники слишкомъ рѣдко образованы... Не только художники—и литераторы тоже, все самоучки или изъ шестого класса. То громадное знаніе, та эрудиція, какой блещутъ западно-европейскіе писатели, у насъ встрѣчаются только какъ оазисы въ пустынь...

— Наши считаютъ, что имъ уже не надо ежедневно, до конца жизни, учиться и быть въ курсѣ того, что думаютъ и дѣлаютъ другіе. Они хотятъ только писать—читать не обязательно...

— Вы слишкомъ строги! Есть извиняющія вину обстоятельства. У насъ писателю куда труднѣе жить, онъ принужденъ выколачивать строчки, подлаживаться подъ заказы журналовъ, и ему некогда работать надъ собой. Въ Англии одна книга, имѣвшая успѣхъ, дѣлаетъ писателя независимымъ, почти богатымъ: она разоидется въ пятидесяти тысячахъ въ самой Англии, а потомъ ему заплатятъ десятки тысячъ за право изданій въ Америкѣ, Индіи, Новой Зеландіи, Трансвалѣ... Тиражъ сто тысячъ легко достижимъ, а у насъ при большомъ успѣхѣ десять тысячъ экземпляровъ. Богатство писателей въ будущемъ, когда нашъ народъ станетъ читать...

— И не будетъ пить,—вставилъ кто то.

— Пить будемъ, но не такъ безобразно, какъ до сихъ поръ. Алкоголь даетъ яркость жизни, совсѣмъ безъ него тоска и уныніе. Вино переноситъ наше сознаніе въ четвертое измѣреніе и, по моему, до сихъ поръ не могутъ найти этого четвертаго измѣренія только потому, что его не тамъ ищутъ. Четвертое измѣреніе—это время, забвеніе... то забвеніе, которое лѣчитъ всѣ душевныя раны и даетъ разуму новыя пути, совсѣмъ неожиданные... Вино переноситъ туда, вино ускоряетъ время.

— Вы по обыкновенію начинаете сыпать парадоксами, и потомъ сами же будете трунить надъ тѣми, кто приметъ всерьозъ.

— На этотъ разъ говорю искренно... Помните у Локка въ

его „Бродягъ“ дворецъ дипломаніи—капители колоннъ внизу, сами колоны падаютъ, куполь повисъ, все спутано и вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ архитектурномъ безуміи пробивается что то гениальное... Въ самомъ дѣлѣ! какъ жаль, что не объявятъ до сихъ поръ такого конкурса, вотъ благодарнѣйшая фантазія для какого нибудь уставшаго отъ жизни, притупившаго впечатлѣнія, миллионера...

На этомъ разговоръ прервался ужинкомъ и такъ и осталось не яснымъ, говорилъ ли онъ серьезно.

* * *

— Къ художественному новаторству критика должна подходить очень осторожно. Тамъ, гдѣ сразу кажется только кривлянье и рекламная шумиха, можетъ быть таятся результаты большой работы, искорки гения, линіи новыхъ путей, которые еще не ясны всѣмъ, кромѣ самого художника...

— Я помню, говорилъ большой художникъ, какъ профессоръ въ Академіи пичкалъ ихъ, учениковъ тогда, Полема Веронезомъ—„Поля Веронезъ, Поля Веронезъ... на каждомъ шагѣ Поля Веронезъ... А мы ничего въ этомъ Веронезѣ найти не могли. Много разъ послѣ того я видѣлъ въ разныхъ галереяхъ Поля Веронеза и всетаки ничего исключительнаго въ немъ не находилъ. И вотъ недавно, въ Москвѣ, мнѣ пришлось писать женскій портретъ. Начиналъ нѣсколько разъ и все не ладилось... И вдругъ я увидѣлъ Поля Веронеза! его тона, увидѣлъ ихъ на кожѣ, на платьѣ, сразу точно какое то просвѣтлѣніе... Сорокъ лѣтъ не видалъ ихъ, а тутъ вдругъ увидѣлъ, и тогда портретъ былъ оконченъ въ нѣсколько сеансовъ. Я вспомнилъ профессора и понялъ только черезъ сорокъ лѣтъ Поля Веронеза“...

Этотъ разказъ я слушалъ тогда съ большимъ интересомъ. Я не художникъ, но съ годами сталъ понимать и видѣть то, чего раньше не понималъ и не видѣлъ. Иногда это приходитъ съ годами, иногда даръ Божій отъ рожденія...

Всѣ новыя направленія и школы создавались изъ неуклюжихъ часто исканій. Исканіе—это тотъ священный порывъ, который движетъ культурой. Вспомните хотя бы недавнее—французскій импрессионизмъ или блеклые тона Пювиcъ де Шованна или даже нашего Нестерова: они были странны, непривычны, потомъ глазъ привыкъ и это странное осталось звеномъ въ вѣчной цѣпи искусства. Такихъ примѣровъ десятки, сотни, во всѣхъ областяхъ жизни культурнаго духа, не только въ искусствѣ.

И вотъ всетаки, такъ оговорившись, все перебравши въ мозгу, не можешь сказать, что выставка „Міра Искусства“ блещетъ искорками исканій, что тутъ лабораторія новыхъ путей, что тутъ таланты новаго творчества—тускло, мизерно и холодно на полотнахъ, какъ холодно и въ залахъ, гдѣ они развѣшаны... За немногими исключеніями—добавилъ кто то.

Эскизъ карандаш. Фенди (1823 г.).
Изъ альбома П. И. Кёппена.

СТАРИННЫЕ АЛЬБОМЫ АКАДЕМИКА П. И. КЕППЕНА.

Родоначальникомъ всѣхъ альбомовъ надо считать тѣ средневѣковые большіе каталоги, которые хранились въ монастыряхъ и предназначались для почетныхъ посѣтителей, куда они и заносили свои имена, иногда съ выдержками изъ различныхъ текстовъ священнаго писанія или изъ древнихъ авторовъ. Впослѣдствіи, особенно въ XVII и XVIII столѣтіяхъ почти каждый нѣмецкій студентъ имѣлъ при себѣ въ карманѣ или въ сапогѣ „stammbuch“.

Въ каникулярное время, возвращаясь изъ университета домой (обыкновенно пѣшкомъ), а также во время обратнаго слѣдованія на ученье, студентъ закахивалъ обыкновенно въ разные ближайшіе города и деревни къ тому или другому знаменитому профессору (въ ту пору было много извѣстныхъ гуманистовъ) и предлагалъ ему свою записную книжку для автографа, которые чаще всего

дѣлались на латинскомъ, греческомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

У П. Л. Ваксея въ его обширномъ музеѣ сохраняется одинъ изъ подобныхъ stammbuch'овъ, принадлежавшій нѣкогда Дюппельмейеру изъ Нюрнберга (начало XVIII вѣка).

Я вспомнилъ о студенческихъ stammbuch'ахъ именно потому, что къ нимъ, какъ нельзя болѣе, примыкаютъ альбомы академика П. И. Кёппена (1793—1864 г.),—извѣстнаго статистика и слависта, бывшаго однимъ изъ учредителей императорскаго географическаго общества.

Въ старинныхъ переплетахъ съ золотыми обрѣзами и металлическими застежками, въ кожаныхъ футлярахъ, они по внѣшности и по внутреннему содержанію (преобладаетъ тотъ же профессорскій элементъ) удивительно напоминаютъ ихъ, но только отличаются несравненно большимъ объемомъ и относительной роскошью.

Рисунковъ въ этихъ альбомахъ (3 тома, при чемъ послѣдній—далеко не законченъ) совсѣмъ немного, но есть зато оригинальная гравюра (на библейскій мотивъ) Николая Уткина (1821 г.)—русскаго гравера,—того самаго, который въ 1810 г. представилъ на парижскую выставку гравюру „Эней“ и удостоился получить за нее отъ Наполеона I золотую медаль, а императоръ Александръ I, узнавъ объ этомъ, въ свою очередь, отправилъ ему бриллиантовый перстень. Отмѣтимъ еще рисунокъ (типъ горца) графа Федора Толстого (1783—1783 г.),—скульптора и рисовальщика, заслужившаго громкую славу своими медальонами на событія 1811—15 годовъ, а также исполненіемъ входныхъ дверей Исаакіевского собора.

Любопытенъ карандашный эскизъ Фенди (1823 г.), изображающій фигуру художника, срисовывающаго барельефъ.

Музыкальная страница всего одна, но очень цѣнная, такъ какъ принадлежитъ композитору Шуберту.

Авторъ „Волшебнаго Стрѣлка“, основатель романтической школы въ музыкѣ, Веберъ, ограничился одной фразой: „Wie Gott will!“ Подготовлявшаяся тяжелая болѣзнь (чахотка), очевидно, настраивала его на религіозныя мысли.

Поэтъ Вас. А. Жуковскій помѣстилъ два четверостишія: „Гете“ и „Батушковъ“. Привожу послѣднее:

„Пѣвецъ любви, отважный воинъ,
Съ нимъ друженъ богъ войны, съ нимъ друженъ Аполлонъ,
По дарованію достоинъ славы онъ,
По сердцу—счастія достоинъ“. (17 сентября 1820 г.)

И. А. Крыловъ вписалъ своимъ мелкимъ, неровнымъ почеркомъ басню „Слонъ и Моська“. Рядомъ съ нимъ поэтъ, публицистъ и археологъ Федоръ Глинка также фигурируетъ въ альбомѣ въ качествѣ баснописца („Вихрь и Зефиръ“).

Основатель харьковскаго университета и выдающійся общественный дѣятель, В. Н. Каразинъ, между прочимъ, записалъ:

„Друзья, сѣтующіе о томъ, что просвѣщеніе идетъ столь медленными стопами и, кажется, въ настоящій вѣкъ вспять возвращается,—успокойтесь! Сей священный огонь не угаснетъ“. (3 января 1820 г.)

Писатель-декабристъ, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, лицейскій товарищъ А. С. Пушкина, внесъ такую запись:

„Ничто, ничто не утопаетъ
Въ рѣкѣ катящихся вѣковъ!—

Эта мысль одна можетъ подкрѣпить истиннаго друга человѣчества, когда глядитъ онъ на временный неуспѣхъ, на временную гибель всего великаго и прекраснаго“.

А на оборотѣ той же страницы его также лицейскій товарищъ-поэтъ баронъ А. Дельвигъ помѣстилъ идиллію, которую заканчиваетъ словами:

„Такъ жизнь и Дельвигу тихонько провести!
Умру—и скоро всѣ забудутъ о поэтѣ.
Что нужды? Я—блаженъ; я, живши, могъ найти
Въ безвѣстности покой и счастье въ Лилетѣ“.

(19 августа 1821 г.)

Заслуженный филологъ А. Х. Востоковъ, по поводу котораго остряты, что нѣмецъ сочинилъ русскую грамматику, далъ очень интересное переложение молитвы „Отче нашъ“ сафическимъ размѣромъ... Не знаю, было ли оно гдѣ-нибудь напечатано.

Изъ стихотворной записи адмирала А. С. Шишкова извлекаю краткое двустишіе:

„Всякъ человѣкъ есть ложь,
И мы съ тобой, читатель, тожь“.

Бывшій томскій архіепископъ Досіоѣй написалъ по-грузински и тутъ же приложилъ слѣдующій переводъ:

„Нѣтъ ничего прочнаго въ мѣрѣ,—все вдругъ совершенно проходитъ, — богатство и бѣдность. Презри все, о мудрый!“ (Кисловодскъ, 16 августа 1829 г.)

А. Заблочки-Десятовскій, государственный дѣятель и писатель (1808—81 г.), убѣжденный противникъ крѣпостнаго права, замѣчательная записка котораго „О крѣпостномъ состояніи въ Россіи“ легла въ основу реформъ 19 февраля 1861 г., такъ говоритъ:

„Вѣчное знамя жизни имѣеть надпись—*впередъ, братья, впередъ!* Кто потеряетъ это знамя изъ вида, тотъ—отсталый, тотъ погибшій“. (4 апрѣля 1846 г.)

Математикъ Михаилъ Остроградскій утверждаетъ:

„Знаніе причинъ явленій не дано человѣку. Нѣтъ явленія, котораго причина была бы намъ извѣстна. Отчего неудерживаемыя тѣла падаютъ? Не знаемъ“. (25 марта 1860 г.)

Экономистъ К. Веселовскій дѣлаетъ слѣдующій выводъ:

„Нѣтъ ничего труднѣе, какъ познать самого себя. Не отсюда-ли всѣ трудности статистики, какъ науки о человѣкѣ?.. Имѣя задачей восходить до познанія сокровенныхъ законовъ человѣческой природы, статистика занимаетъ средину между науками естественными, философскими и математическими. Въ настоящее время можно только угадывать и предчувствовать возможность осуществленія ея задачъ, но для самаго осуществленія время еще не настало“. (29 декабря 1859 г.)

П. И. Кёппенъ въ 1822 г., во время своего заграничнаго путешествія, настолько сблизился съ западными славистами, что началъ даже въ 1825 г. издавать „Библиографическіе листы“, гдѣ обстоятельно сообщалъ о выдающихся современныхъ литературныхъ явленіяхъ въ славянскихъ странахъ. Вотъ отчего въ его альбомахъ находятся такія славянскія знаменитости, какъ начинатель новой сербской культуры—Вукъ Караджичъ, В. Копитаръ, чешскій историкъ—Ф. Палацкій и филологъ-палеографъ—Вацлавъ Ганка, этотъ поистинѣ романтической славянофиль. Просматривая дальше альбомныя страницы, нахожу характеристику Бориса Годунова, сдѣланную Н. Карамзинымъ, стихотворный отрывокъ князя А. А. Шаховскаго (переводъ изъ Аристофана), параллельные стихотворные тексты (по-гречески и по-русски) переводчика „Иліады“, Н. Гнѣдича.

Тутъ и первоклассный географъ К. Риттеръ, и финляндецъ А. Шёгрень (путешественникъ и филологъ), и адмиралъ Крузенштернъ, совершившій первый изъ русскихъ мореплавателей кругосвѣтное путешествіе (1803 г.), и цѣлая плеяда выдающихся ученыхъ, нашихъ и заграничныхъ (эмбриологъ К. Беръ, энтомологъ Х. Стевень, санскритологъ Бётлингкъ, политико-экономъ Г. Шторхъ, археологъ П. Строевъ).

Большинство записей сдѣлано на иностранныхъ языкахъ. Прилагаю ихъ въ переводѣ:

Одно живое слово лучше сотни мертвыхъ“. *Вильгельмъ Гриммъ* (филологъ).

„Фридрихъ Шлегель назвалъ однажды поэта пророкомъ наизнанку, а пророкъ могъ бы быть названъ поэтомъ наизнанку. Между ними обоими стоимъ мы, міеологи, опасаясь, однако, потерять правду среди этого обліія поэзіи. Можетъ быть, міеологъ долженъ смотрѣть какъ поэтъ—назадъ, а какъ пророкъ—впередъ. Его символомъ должна быть голова Януса, глядяшаго одинаково и въ старый свѣтъ, и въ новый. Я предпочитаю, впрочемъ, взять за символъ образъ тройственнаго индѣйскаго божества, Тримурти (Брама, Вишну, Шива), третья голова котораго помѣщается не рядомъ съ другими, а сверху,—спокойная, безстрастная, словно голова Зевса. При этомъ положеніи, будущее мы будемъ познавать не только изъ прошлаго, но будемъ выводить его и изъ настоящаго“. *Г.-Г. Груберъ* (историкъ).

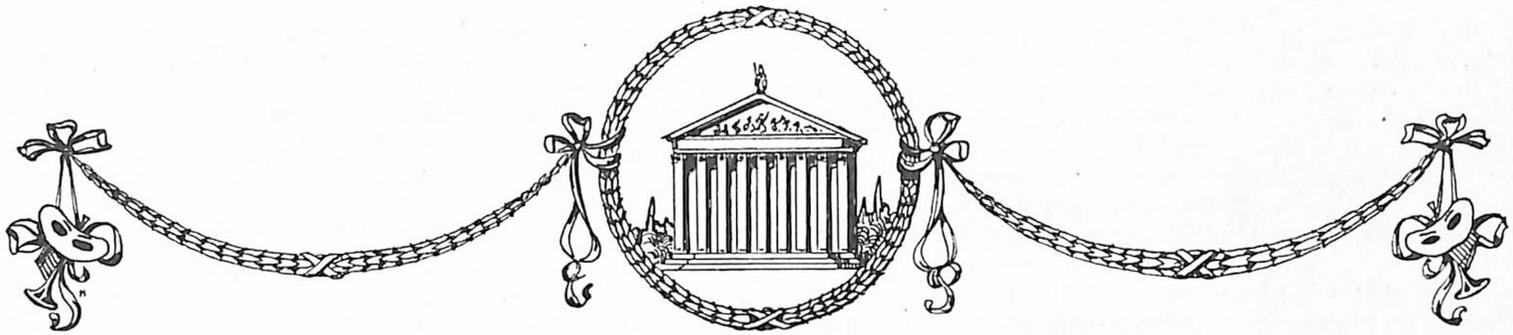
„Когда мы находимъ ключъ жизни—открывается могила (when we find the key of life—it opens to the grave)“. *Карлъ Моргенштернъ*.

„Мы—смертны и всѣ наши желанья тоже—смертны. Горе и радости проходятъ или мы проходимъ мимо нихъ“. *Докторъ Лоббертъ*.

„Узкія скалистыя тропинки не останавливаютъ смерти. Она равняетъ всѣхъ, слабого и всесильнаго генія. Одна и та же земля покрываетъ молодость и старость. Лучшее славная смерть, чѣмъ безчестная жизнь“. *Мари-Фелиситэ Броссэ* (франко-русскій ориенталистъ).

Послѣдняя цитата составляетъ выдержку по-грузински и по-французски изъ классической поэмы Руставели: „Барсова кожа“.

В. Умановъ-Каплуновскій.

ПУШКИНЪ И ЦЫГАНЫ.

У Петроградскаго собирателя автографовъ Э. П. Юргенсона, обладающаго едва ли не первой въ Россіи частной коллекціей рукописей государственныхъ, общественныхъ и литературныхъ русскихъ дѣятелей (она недавно описана въ „Столицѣ и Усадьбѣ“ В. Умановымъ-Каплуновскимъ), я видѣлъ автографъ поэта-партизана Дениса Давыдова. На четвертушкѣ бумаги записана пьеска въ двѣнадцать стиховъ, начинающаяся словами:

Люблю тебя, какъ сабли лоскъ,
Когда, приосѣнясь фуражкой,
Съ виноточивою баклажкой
Идешь въ бивачной мой кіоскъ...

Стихотвореніе это, лихого гусарскаго пошиба, Давыдовъ напечаталъ въ сборникѣ своихъ стиховъ, который издалъ въ 1832 г. въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: „Герою битвъ, биваковъ, трактировъ и...“, съ замѣною точками нѣсколькихъ фривольныхъ словъ; затѣмъ оно вошло въ первое посмертное изданіе его сочиненій, выпущенное его сыновьями (М. 1860, ч. III, стр. 24), подъ заглавіемъ „Храброму повѣсь“.

Въ принадлежащемъ Э. П. Юргенсону автографѣ оно состоитъ изъ трехъ строфъ, а въ печати оно появилось съ прибавленіемъ еще одной строфы:

Киплю, люблюсь на тебя,
Глядя на прыть твою младую,
Какъ старый хрычь, цыганъ Илья,
Глядитъ на пляску удалую,
Подъ ладъ плечами шевеля.

Эта строфа принадлежит не Денису Давыдову, а Пушкину. На оборотѣ автографа Давыдова рукою Пушкина написано слѣдующее:

3.

Такъ старый хрычь Цыганъ Илья
Подъ ладъ плечами шевеля
Глядитъ на удалъ плясовую
Да чешетъ голову съдую.

(Послѣдній стихъ зачеркнуть, но небрежно и не такъ густо, чтобы нельзя было разобрать словъ).
Внизу опять рукою Пушкина:

Ecrit de la main de Davidof
(général de cavalerie,
Seigneur de Borodino etc).

Какой-то прежній обладатель автографа написалъ рядомъ: „écriture du célèbre Pouskine“.

Четверостишіе Пушкина уже знакомо читателямъ въ не совсѣмъ впрочемъ точной передачѣ В. Уманова-Каплуновскаго, спрашивающаго, „не Пушкинымъ ли оно составлено“, а не только записано. Въ авторствѣ Пушкина такъ же не можетъ быть никакихъ сомнѣній, какъ и въ почеркѣ. На него указываетъ прежде всего французская приписка. Смыслъ этого шуточнаго „удостовѣренія“ ясенъ: Пушкинъ присочинилъ одну строфу къ стихотворенію Давыдова и подарилъ ее ему. Тотъ ею и воспользовался, включивъ ее третьей по порядку (на что и указываетъ стоящая надъ нею цифра 3) въ свое стихотвореніе и лишь слегка ее передѣлавъ. Въ шуточной своей припискѣ, награждая Давыдова важнымъ титуломъ Наполеоновскаго стилия: „Seigneur de Borodino“. Пушкинъ какъ бы просить

читателя не вѣрить собственнымъ глазамъ: „писано рукою Давыдова“, хотя видно сразу, чья это рука.

Самая фактура четверостишія и печально-ироническое противопоставленіе автора, который и радъ бы въ плясъ, какъ старый Илья, да годы не тѣ, молодому, полному силъ повѣсь—вполнѣ въ духѣ Пушкина. Въ свои юныя лѣта онъ вообще любилъ изображать себя усталымъ и отжившимъ; кстати, это давало ему возможность добродушно подтрунивать и надъ собой, и надъ другими. Въ посланіи къ кишиневскому другу Н. С. Алексѣеву, 1821 г., онъ говорилъ:

Оставя счастья призракъ ложный,
Безъ упительныхъ страстей,
Я сталъ наперсникъ осторожный
Моихъ неопытныхъ друзей.
Вдали штыковъ и барабановъ
Такъ точно старый инвалидъ
Встрѣчаетъ молодыхъ улановъ
И имъ о битвахъ говорить.

Въ томъ же 1821 г. онъ писалъ Дельвигу, вспоминая петербургскихъ друзей-поэтовъ:

Но все люблю, мои поэты,
Фантазій волшебный міръ
И, чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
Внимаю звуки вашихъ лиръ...
Такъ точно, позабывъ сегодня
Проказы, игры прежнихъ дней,
Глядитъ съ лежанки наша сводня
На шашни молодыхъ...

Ту же антитезу встрѣчаемъ вскорѣ во второй главѣ „Евгенія Онѣгина“:

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
Благоразумной тишины...
Мы любимъ слушать иногда
Чужихъ страстей языкъ мятежный,
И намъ онъ сердце шевелить.
Такъ точно старый инвалидъ
Охотно клонитъ слухъ прилежный
Разсказамъ юныхъ усачей,
Забутый въ хижинѣ своей...

Когда могли быть написаны эти строки и при какихъ обстоятельствахъ? Трудно сказать. Автографъ не даетъ никакихъ указаній, а Пушкинъ встрѣчался съ Давыдовымъ въ разные годы и довольно часто. Съ нѣкоторою вѣроятностью можно отнести стихотвореніе къ второй половинѣ двадцатыхъ или 1830—1831 г. г. Доживая въ Москвѣ свои послѣдніе холостые дни, Пушкинъ новый 1831 годъ (письмо къ князю П. А. Вяземскому 2-го января) „встрѣтилъ съ цыганами и съ Танюшей, настоящей Татьяной-пьяной. Она пѣла пѣсню, въ таборѣ сложенную, на голосъ „Приѣхали сани“:

Давыдовъ съ ноздрями,
Вяземскій съ очками,
Гагаринъ съ усами,
Дѣвокъ испугали
И всѣхъ разогнали

и проч.“. Этой или другой встрѣчѣ Пушкина и Давыдова у цыганъ, быть можетъ, обязана возникновеніемъ ихъ маленькая поэтическая складчина. Надо замѣтить, что царь русской поэзіи не былъ недоступно-гордъ

и никогда не любилъ задавать тонъ, какъ какой-нибудь Кукольникъ или Бенедиктовъ. Въмѣстѣ съ Боратынскимъ онъ однажды сочинилъ эпиграмму на князя Шаликова, участвовалъ въ составленіи экспромптовъ вмѣстѣ съ Батюшковымъ, Жуковскимъ и А. А. Плещеевымъ, написалъ съ Дельвигомъ комическую элегію на смерть старой тетушки, внесъ свою лепту въ веселый „канонъ“ Глинкѣ, сочиненный пріятелями по случаю успѣха его „Жизни за Царя“. Поэтъ А. И. Подолинскій вспоминалъ, какъ однажды Пушкинъ обратился къ нему: „помогите намъ состряпать эпиграмму“ (это была знаменитая эпиграмма на Каченовскаго „Въ Элизіи Василій Тредьяковскій“... — „Русс. Архивъ“ 1872 г., ст. 859). Сообща съ Языковымъ онъ составилъ нѣсколько пародій на апологи Дмитріева. Извѣстны еще два-три такіе случая, когда Пушкинъ, со своей очаровательной простотой, принималъ равное съ другими, гораздо ниже его стоявшими авторами, участіе въ коллективной, большей частью шуточной, работѣ. Но, въ своей душевной щедрости, онъ иногда дарилъ гораздо больше; такъ онъ уступилъ юношѣ В. П. Титову готовые контуры разсказа „Уединенный домикъ на Васильевскомъ островѣ“, отдалъ Гоголю фабулу „Ревизора“...

Къ Давыдову же Пушкинъ не только относился сочувственно, но питалъ настоящее „влеченье, родъ недуга“. Доходя вообще до крайности въ своихъ дружескихъ пристрастіяхъ (всегда только въ дружескихъ и никогда во враждебныхъ), Пушкинъ чрезмерно переоцѣнивалъ Давыдова и какъ человѣка, и какъ поэта, не замѣчалъ его вѣчнаго „себѣ на умѣ“ и противнаго хвастовства, его вліянію приписывалъ свою независимость отъ авторитетовъ Жуковскаго и Батюшкова („онъ далъ мнѣ почувствовать, что можно быть оригинальнымъ“), рассказывалъ, что „въ молодости старался подражать Давыдову въ крученіи стиха и усвоилъ его манеру навсегда“, писалъ ему посланія, съ поразительной легкостью воспринимая въ нихъ его залихватскій стиль.

Илья, о которомъ говоритъ Пушкинъ, — самый выдающійся цыганскій пѣвецъ и хоровой регентъ той эпохи. Хотя Пушкинъ засталъ его уже „старымъ хрычкомъ“, онъ пережилъ поэта. Онъ былъ настоящей знаменитостью, этотъ Илья или, какъ его не безъ почтительности называли даже въ печати, Илья Осипычъ. Тогда было золотое, уже невозвратимое время расцвѣта цыганской пѣсни, еще не запачканной кафешантанной и опереточной пошлостью, еще дышавшей стихіей здоровой, крѣпкой народности и непосредственнымъ чувствомъ. Самый бытъ цыганъ былъ еще чистъ и неиспорченъ, цыганки изъ табора — случаевъ было не мало — честными женами входили въ ряды титулованной русской аристократіи (на цыганкѣ былъ женатъ двоюродный дядя Льва Толстого, извѣстный Ѳ. И. Толстой — „Американецъ“, и тоже на цыганкѣ, изъ семьи Шишкиныхъ, женился родной братъ великаго писателя, графъ Сергѣй Николаевичъ). Правда, и тогда встрѣчались скептики, не любившіе цыганскаго жанра, вродѣ Мятлева, автора „Курдюковой“, который говорилъ, что

Слушать ихъ нельзя съ экстазомъ,
Развѣ лишь съ подбитымъ глазомъ...

Но такихъ было мало, и обаяніе цыганщины пряной длительной струей проходить по всей русской поэзіи отъ Державина и Пушкина до „Живого трупа“, Еще любимѣе Ильи была московская цыганка Таня, „Татьяна-пьяная“, „прославленная покойнымъ Пушкинымъ Таня“ („Сѣверная Пчела“ 1838 г.). Ея соловьиный голосъ далъ совершенно исключительную популярность „Соловью“ Алябьева (Воспоминанія кн. А. В. Мещерскаго въ „Рус. Архивъ“ 1901 г., I, 113). Какъ умѣла дѣйствовать она на слушателей, объ этомъ

лучше всѣхъ разсказала ея современница, поэтесса графиня Е. П. Ростопчина („Цыганскій таборъ“, 1831 г.).

... Но вотъ гремящій хоръ внезапно умолкаетъ,
И Таня томная одна межъ нихъ слышна,
И голосъ пламенный до сердца проникаетъ,
И меланхолю вселяетъ въ немъ она.
Блѣдна, задумчива, страдальчески-прекрасна,
Она измучена сердечною грозой,
На ней видна печать любви нѣжной, страстной,
И всѣ черты ея исполнены тоской.
О, какъ она мила!.. ея какъ грустно пѣнье,
Какъ сильно трогаетъ, какъ нравится она!..
Душа внимасть ей въ безмолвномъ наслажденьѣ,
Какъ бы предчувствіемъ нежданныхъ благъ полна.
Но если запоетъ она вамъ повѣсть страсти...
Но если о любви твердятъ ея слова...
О, сердцу слабому напѣвы тѣ бѣда!
Не избѣжитъ оно заразы ихъ и власти,
Не обойдутъ его тревога и тоска!

Эти властные впечатлѣнія испытывалъ и Пушкинъ. Таня, которая умерла въ концѣ семидесятыхъ годовъ, передавала романисту Болеславу Маркевичу (см. его Сочиненія, т. XI), какъ Пушкинъ, встрѣтившись съ нею за нѣсколько дней до своей женитьбы у Нащокина, просилъ ее спѣть ему „на счастье“ что-нибудь. „Только на сердцѣ у меня у самой было невесело въ ту пору, потому у меня былъ свой предметъ, — женатый былъ онъ человѣкъ, и жена увезла его отъ меня, въ деревнѣ засадила на всю зиму съ собой жить, — и очень тосковала я отъ того. И, думаячи объ этомъ, запѣла я Пушкину пѣсню, — она хоть и подблюдную считается, а только не годится было мнѣ ее теперича пѣть, потому она будто, сказываютъ, не къ добру:

Ахъ, матушка, что такъ въ полѣ пыльно?
Государыня, что такъ пыльно?
Кони разыгрались... А чьи то кони, чьи то кони?
Кони Александра Сергѣевича...

Пою я эту пѣсню, а самой-то грустнехонько, чувствую и голосомъ то же передаю, и ужъ какъ быть не знаю, глазъ отъ струнъ не подыму... Какъ вдругъ слышу, громко зарыдалъ Пушкинъ. Подняла я глаза, а онъ рукой за голову схватился, какъ ребенокъ плачетъ“... В. А. Нащокина вспоминала, что „Пушкинъ любилъ цыганское пѣніе, особенно пѣніе знаменитой въ то время Тани“. Долгіе годы спустя Аполлону Григорьеву („Русскія народныя пѣсни“ — „Москвитянинъ“ 1854 г.) рассказывали о другой цыганкѣ — Матренѣ, пѣньемъ которой также восхищался Пушкинъ.

Европейца, утонченника — Пушкина плѣняла въ цыганствѣ простота жизненнаго уклада, первобытная наивность міроотношенія, вѣющая въ цыганской пѣснѣ чѣмъ-то первозданно-свѣжимъ и здоровымъ среди „неволи душныхъ городовъ“ и всей давящей душу сложности цивилизованнаго быта. Онъ навсегда сохранилъ счастливое воспоминаніе о нѣсколькихъ дняхъ юности, когда онъ бродилъ съ таборомъ бесарабскихъ цыганъ, „простую пищу ихъ дѣлилъ и засыпалъ предъ ихъ огнями, въ походахъ медленныхъ любилъ ихъ пѣсней радостные гулы“... А распростившись съ молодостью, онъ привѣтствовалъ встрѣтившійся ему гдѣ-то таборъ грустнымъ вздохомъ:

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твой костры.
Я бы самъ въ иное время
Провожалъ сіи шатры.
Завтра съ первыми лучами
Вашъ исчезнетъ вольный слѣдъ,
Вы уйдете, — но за вами
Не поидетъ ужъ вашъ поэтъ...

И съ этихъ поръ въ творчествѣ Пушкина уже не слышится отголоска „поэзіи московскаго житья“ (слова Языкова о Танѣ).

На такія литературно-романтическія воспоминанія наводитъ случайно сохранившійся клочекъ бумаги съ нѣсколькими стихами Пушкина.

Н. Лернеръ.

ВЛАСТЬ ДОЛЛАРА.

(Къ рисунку).

На дняхъ мнѣ разска- зывалъ одинъ русскій, пре- восходный пианистъ, какъ онъ, гостя въ домѣ аме- риканскаго милліардера, давалъ тамъ концертъ. Гости были восхищены русской музыкой, хозяинъ тоже, сыпались компли- менты. Назавтра хозяинъ, здороваясь съ музыкан- томъ, любезно задержалъ его руку въ своей, по- смотрѣлъ и сказалъ:

— А сколько рабо- чихъ часовъ вы потратили на занятія музыкой, чтобы достигнуть такого совер- шенства?

Гость отвѣтилъ, что играетъ съ малыхъ лѣтъ, почти каждый день. Хозяинъ прикинулъ въ умѣ и продол- жалъ:

— Это со- ставитъ больше 20.000 рабочихъ часовъ... это сот- ни тысячъ долла- ровъ... Это очень дорого!..

Все, что не даетъ выгодной затраты капита- ла или времени, которое тотъ же капиталъ, непо- нятно янки. Дол- ларъ — всеобщій богъ. Для него искусство, на- ука, литература, даже любовь...

Рисунки аме- риканскихъ художниковъ, даже каррикатуры и шаржи, вертятся все около того же бога — доллара.

Каррикатуру умудряются рисовать на паденіе и повышение курса, на банкрот- ство банка, выгодную покупку акцій, уменьшеніе или увеличеніе производства. Долларъ — та единственная могущественнѣйшая сила, къ которой янки привыкаеть стремиться съ пеленокъ, отъ первой игрушки, какая попадаетъ ребенку въ руки...

Жизнь становится сухой, однообразной, но зато это сулитъ владычество Америки надъ міромъ. Янки такъ думаютъ.

Но, вѣроятно, они ошибаются. Возможно, что богатства духа окажутся когда нибудь единственнымъ богатствомъ, что условная стоимость золота когда ни- будь разлетится отъ одного усилія человеческого разума и тогда непреложные жизненные принципы янки окажутся химерой. А въ прошломъ будутъ уже потерянные вѣка служенія доллару, забвеніе духа, вѣка скучнаго, сухого, низменнаго существованія. Можетъ быть будетъ именно такъ?! *Вл. К.*

Автомобили, груженые англійскимъ золотомъ, на улицахъ Нью-Йорка (150.000.000 руб.).

Благодаря европейской войнѣ, Америка наживаетъ колос- сальныя суммы на военныхъ заказахъ, получая своего рода „мирную контрибуцію“ отъ Европы.

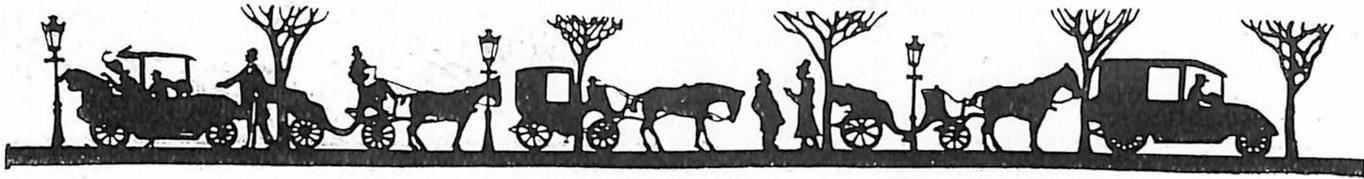
„Муки творчества“. (Изъ америк. журн.).

„Кукла для куклы“. (Studio).

Дѣтскій балетъ въ „Савой“, изъ Лондон- скаго high life, для устройства дѣтскаго госпиталя. (Lady's Pictorial).

Е. С. Кругликова. Силуэты („фіакры“).

Е. С. Кругликова. Силуэты.

Е. С. Кругликова. Силуэты.

ВЫСТАВКА „МІРЪ ИСКУССТВА“.

Въ одномъ изъ боборыкинскихъ романовъ героиня собирается сначала войны замужъ „на черно“, а потомъ уже „на бѣло“.

Въ текущемъ сезонѣ „Миръ Искусства“ предстанетъ дважды. Сначала въ „этидномъ“, а потомъ уже въ „настоящемъ“ видѣ. Этиодъ часто бываетъ свѣжѣе и интереснѣе законченной картины, но для этого онъ долженъ быть искреннимъ и талантливымъ. А эти то два качества, столь необходимыя, впрочемъ, и не только въ искусствѣ, „Миръ Искусства“ уже утратилъ, замѣняя ихъ какими то головными измышлениями и исканіями, за которыми часто скрывается полная бездарность или крошечное, самостыдящееся дарованіе, прикрывающееся новаторской тогой. Ходульно, условно, полно рекламнаго оригинальничанья! Въ то же время эти приемы никакъ не могутъ разсѣяться, разлитой по выставкѣ.

Тусклы и явно ненужны эти декадентскія гриммы, вродѣ работъ Льва Бруни — „Мзекала съ кувшиномъ“ или портретъ Бальмонта, похожій больше на утопленника, пролежавшаго долгое время на днѣ океана...

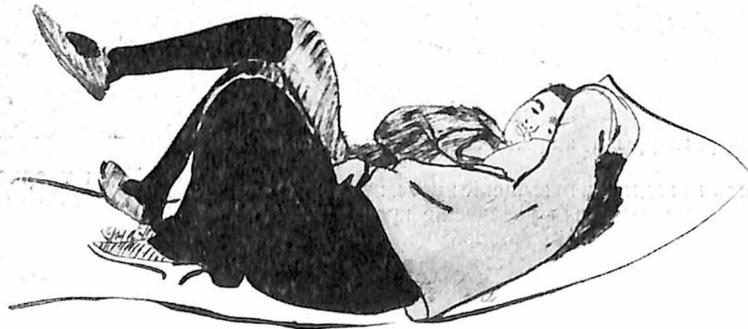
Впрочемъ, быть можетъ, тутъ и кроется глубина художественнаго замысла. Бальмонтъ недавно читалъ лекцію объ Океаніи? Художникъ пишетъ съ него портретъ и видитъ его синимъ, какъ морская вода; Бальмонтъ скорѣе рыжій, чѣмъ синій! Съ такимъ славнымъ въ художественномъ мѣрѣ именемъ, унаследовавъ безусловное художественное дарованіе, Бруни попалъ съ первыхъ шаговъ на художественномъ поприщѣ къ декадентамъ и въ результатѣ — скверно...

Одна подробность, или вѣрнѣе просто случайное наблюдение. Наибольше кривляющіеся размѣщены почему то въ первыхъ залахъ, а дальше постепенно идутъ крупные и талантливые и, наконецъ,

въ послѣдней залѣ — Александръ Бенуа.

Талантливый Кустодіевъ, по прежнему поражаетъ неожиданностями. Наряду съ отличными, строго выдержанными рисунками вродѣ „Петръ I“, этиодъ къ картинѣ „Парадъ Финляндскаго полка“ или пріятныхъ эскизовъ — декорация къ „Осеннимъ скрипкамъ“, „Смерти Пазухина“; вдругъ опять вымазанная малиновымъ вареньемъ прошлогодня „Красавица“...

Когда то цвѣтныя, красочныя гаммы Анисфельда

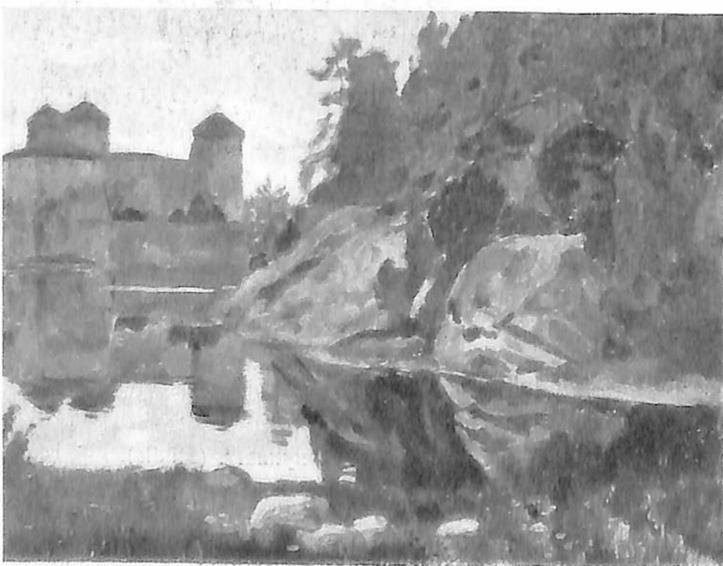

П. В. Митуричъ. Рисунокъ.

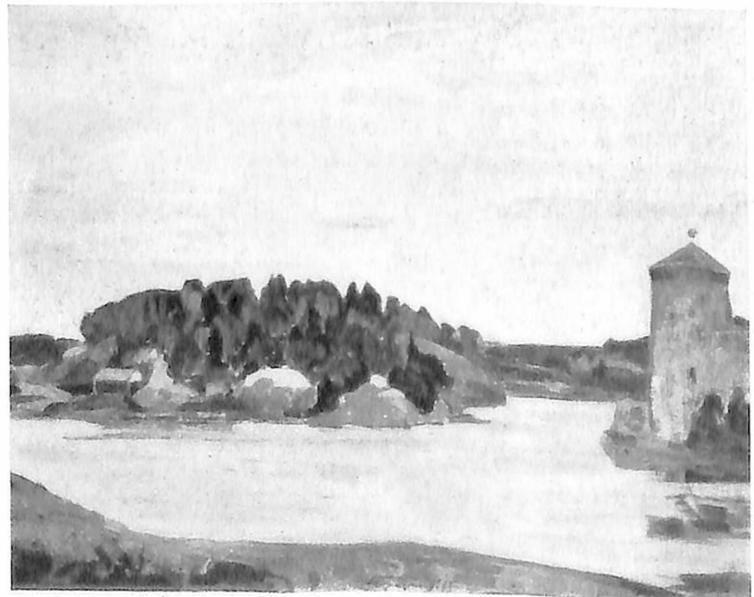
обращали всеобщее вниманіе. Его постановка балета „Исламей“ въ Парижѣ вызвала общій восторгъ своими смѣлыми, яркими до вызова сочетаніями. Теперь тотъ же Анисфельдъ пишетъ грязно-тусклыми тонами виды „Венеціи“, и „Капри“.

Какимъ то условнымъ, эротически-прянымъ языкомъ, мало понятнымъ непосвященнымъ, Б. Григорьевъ рассказываетъ о Парижѣ, — „Институтъ для благородныхъ дѣвицъ“ и даже о своей женѣ. Превосходный рисовальщикъ Добужинскій

О. Э. Бразъ. Финляндія. Олафсборгъ.

О. Э. Бразъ. Финляндія. Нейшлотъ.

не далъ ничего новаго. „Віадукъ“, „Элеваторъ“ — мотивы уже имъ использованные.

Вмѣсто прежнихъ бойкихъ характерныхъ парижскихъ набросковъ г-жа Кругликова перешла на силуэты изъ черной бумаги вродѣ тѣхъ, что въ пять минутъ вырѣзаются на память на верхней площадкѣ Эйфелевой башни.

L'enfant terrible Петровъ-Водкинъ, на котораго нѣкогда возлагались такія надежды, пишетъ теперь чистымъ сурикомъ такіе

Н. С. Петровъ-Водкинъ. „Въ саду“.

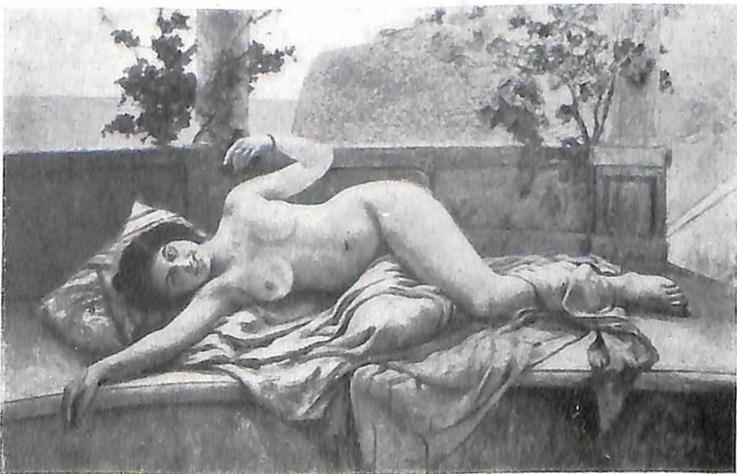

В. П. Бѣлкинъ. „Дама въ платкѣ“.

Б. М. Кустодіевъ.
„У Прокофія Пазухина“.
(Эскизы декораций къ „Смерти Пазухина“ — постановка Художественнаго театра).

10-я Осенняя выставка картинъ.
С. С. Егорновъ. „Купальщица“.

этюды головы Ангела, что передъ нимъ спасуетъ любая только что покрашенная крыша.

Пейзажъ Финляндіи обильно представленъ Бразомъ. Когда то онъ писалъ портреты А. Чехова, А. Соколова, и много лучше, чѣмъ теперь пейзажи. Другой пейзажистъ — Гаушъ однообразенъ и меланхоличенъ въ выборѣ мотивовъ: „Сѣрый день“, „Сѣрый вечеръ“, „Осень“, „Осенняя листва“. Въ русской жизни и природѣ такъ много сѣраго, что хочется, хотя бы въ искусствѣ, немного забытья отъ этой дѣйствительности.

10-я Осенняя выставка картинъ.
Е. Н. Клоачева. Англійская артистка г-жа Дугласъ.

Фот.
Кс. Глыбовской.

Городская библиотека
Иркутская область
Чичковскаго
1006960

Среди графики, въ большинствѣ также весьма претенціозной, есть недурные по замыслу и тонкому исполненію рисунки Нарбута, Чехонина — „Рафаэлески“ Шарлеманя — къ „Севастопольскимъ разсказамъ Л. Толстого“, Митурича — „Фигурки“, и друг.

Скульптура скромно представлена Оберомъ. Два проекта памятниковъ—Бельгійскому королю Альберту, и Сербамъ и

„Лягушки, просящія за царя“ исчерпываютъ скульптурный отдѣлъ. Оба проекта не выходятъ за предѣлы обычныхъ эскизовъ тѣхъ памятниковъ, которымъ никогда не суждено осуществиться.

Впечатлѣніе отъ выставки блекло, чувствуется какая-то преждевременная дряхлость — „собачья старость“ по образному народному выраженію.

С. Ко-въ.

10-я Осенняя выставка картинъ.
С. Я. Шишмаревъ. „Послѣднее тепло“ (въ лѣсу кн. Витгенштейновъ близъ Петрограда*).

ТАОРМИНА.

(Изъ дорожнаго альбома).

„Если бы кому нибудь пришлось про-
весть въ Сициліи только одинъ день и онъ
спросилъ-бы, что слѣдуетъ тамъ посмотре-
ть, я бы, не колеблясь, отвѣтилъ,—Таормину“.
Молассанъ.

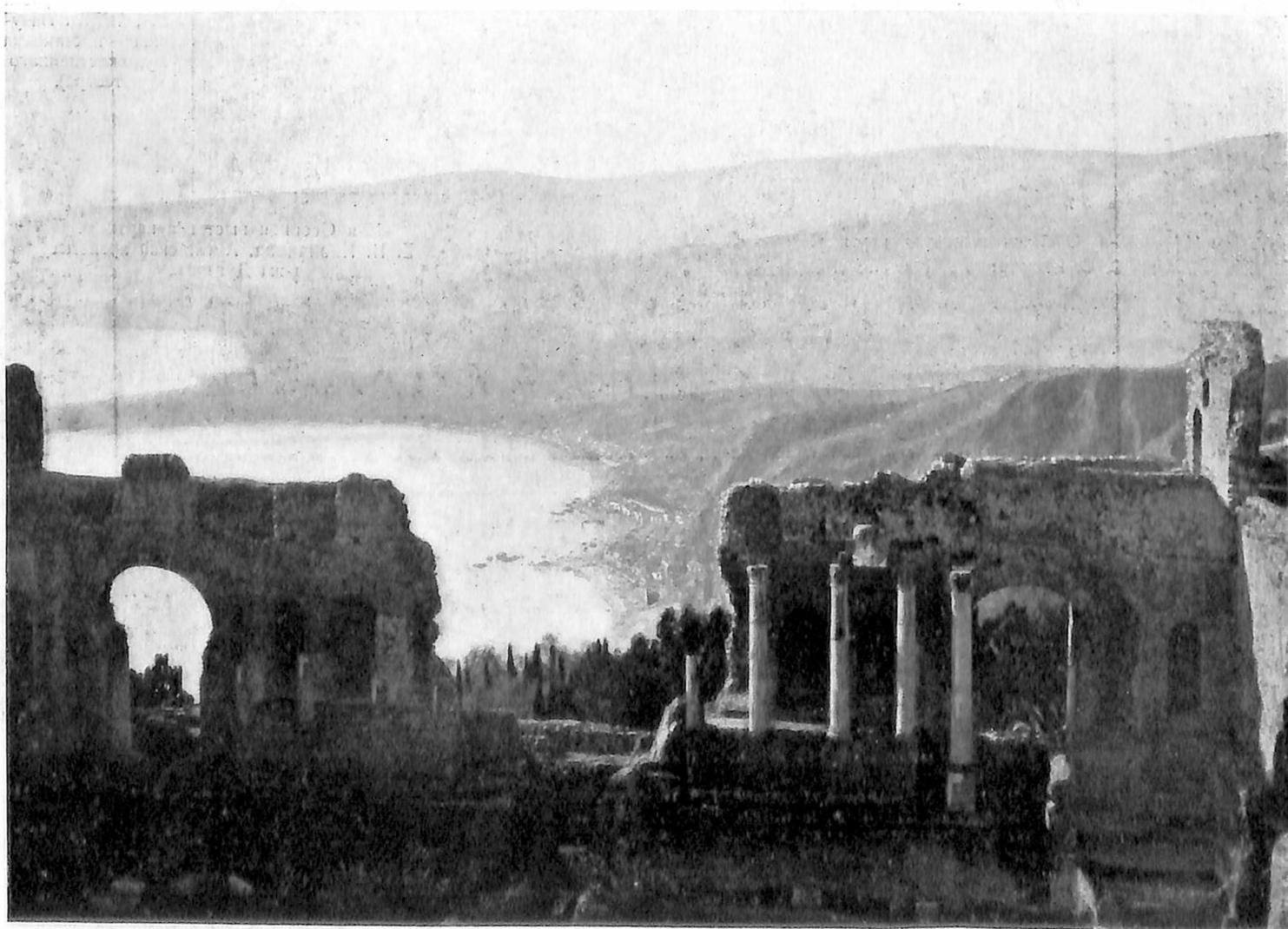
... Поѣздъ съ небольшою остановкой проходитъ Мессину и поворачиваетъ къ югу; дорога идетъ вдоль берега, — съ одной стороны крутые склоны, покрытые апельсинными рощами, съ другой — море, вода набѣгаетъ на берегъ почти къ самымъ рельсамъ.

Наступаетъ вечеръ, въ тѣсныхъ вагонахъ зажигаютъ огни; станціи мелькаютъ одна за другой. Остановка у Giardini. Тѣмъ,

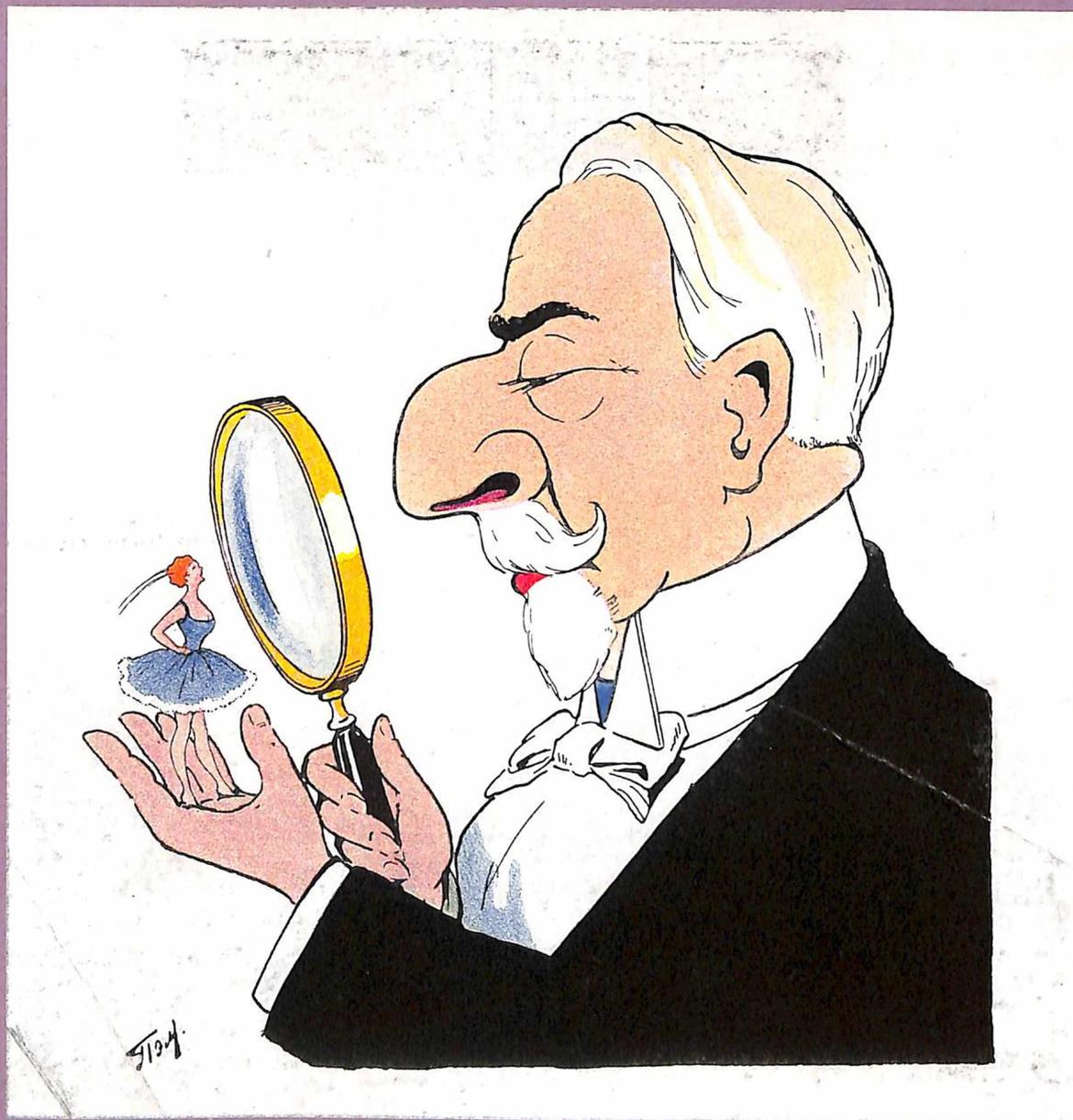
кто ѣдетъ въ Таормину, надо выходить. На платформѣ, одинокой и темной, съ трудомъ можно дозваться факкино. Парныя коляски стоятъ у станціи; кучеръ зажигаетъ фонари, шелкаетъ бичомъ, и коляска трогается по гладко укатанному шоссе. Дорога сразу поднимается въ гору, лошади идутъ шагомъ. Въ темнотѣ по обѣимъ сторонамъ бѣлѣютъ стѣны садовъ съ густой зеленью; сладкій запахъ тянется навстрѣчу. Часто встрѣчаются нарядныя дачи.

Развалины древняго греческаго театра въ Таорминѣ, направо склоны Этны.

Фот. В. А. Чоголова.

„НАШЪ БАЛЕТЪ“.

В. Я. СВѢТЛОВЪ.

Подъемъ продолжается верстъ пять. Съ каждымъ поворотомъ дорога поднимается все выше и выше, огни станціи Giardini видны уже далеко внизу. Черезъ часъ вѣзжаемъ въ Таормину.

* * *

Не зная города, очень трудно найти гостиницу, такъ какъ всѣ онѣ находятся въ узкихъ и темныхъ переулкахъ; добраться туда въ коляскѣ мудрено.

Таормина—небольшой городокъ, основанный, кажется, еще въ V вѣкѣ до Р. X. Онъ тянется по самому краю обрыва на высотѣ 250 метр. надъ уровнемъ моря и состоитъ изъ одной единственной длинной улицы „Corso Umberto“, отъ которой въ разныя стороны расходятся боковые переулки. ОТЕЛЬ помѣщается надъ скалистымъ обрывомъ; съ балкона открывается чудесный видъ: далеко внизу море, на горизонтѣ берега Калабріи, а справа горы и надъ ними, занимая собой половину неба, величественная громада Этны.

Климатъ Таормины—мягкій, ровный; дождей здѣсь меньше, чѣмъ даже въ Палермо; зимой днемъ температура не ниже 10° Ц.

Жители, ихъ около 4.000, привѣтливые и услужливые; на улицахъ мальчишки не пристають къ туристамъ. Жители Таормины упорно не желаютъ считать себя итальянцами, и называютъ сицилианцами.

Отели и пансіоны всѣ съ садами; лучшіе изъ нихъ закрыты съ конца мая по сентябрь.

Главная достопримѣчательность Таормины—греческій театр „Teatro Antico“. Онъ расположенъ въ восточной части города, въ концѣ Corso Umberto, въ пяти минутахъ ходьбы отъ него.

Театръ греческаго происхожденія (построенъ около 400 г. до Р. X.), но въ свое время былъ перестроенъ римлянами. Мѣста для публики расположены полукругомъ и высѣчены въ скалѣ. Особенно хорошо сохранилась сцена, перестроенная во время Римской эпохи. Сохранились мраморныя колонны съ коринфскими капителями и часть мраморнаго карниза. Видны три двери для актеровъ, съ тремя нишами, въ которыхъ стояли статуи. Сидѣнья для публики были раздѣлены на девять секторовъ. Акустика постройки настолько хороша, что и теперь сверху можно отлично слышать все, что говорится на сценѣ. Театръ этотъ могъ заключать въ себѣ до 80.000 зрителей.

Видъ съ верхнихъ мѣстъ театра считается однимъ изъ самыхъ лучшихъ во всей Италіи.

Внизу—развалины театра, въ просвѣты которыхъ виденъ берегъ съ деревней Giardini и широкой морской заливъ. Правѣе—скалистый обрывъ, на которомъ лежитъ Таормина, и за нимъ поднимаются горные массивы Молла. На горизонтѣ возвышается гигантская пирамида Этны съ вершиной, запыленной снѣгомъ...

Вл. Ч—овъ.

У ЦЫГАНЪ.

Подъ умѣлой рукой
Дрогнулъ голосъ струны,
И неясной тоской
Звуки пѣсни полны.

Шире... ярче мотивъ...
Зноемъ кровь всколыхнулъ—
Слышенъ властный призывъ
На безумный разгулъ.

А потомъ—вновь тоска...
Память прежней любви...
Чародѣйка рука,
Мучать пѣсни твои!

Сердцу слушать не въ мочь,
Въ сердцѣ плачетъ струна...
А разгульная ночь
И шумна и хмѣльна!

Г. Голохвастовъ.

КРАСОТА НАИВНОСТИ.

Не мало уже написавшій, всегда въ нѣжныхъ полутонахъ, о томъ, что было милого—часто наивнаго—въ нашемъ прошломъ, В. В. Верещагинъ, съ такой любовью трактуетъ о женскомъ костюмѣ начала прошлаго столѣтія, что вмѣстѣ съ нимъ начинаешь проникаться сожалѣніемъ, что это наивно-милое ушло и никогда не вернется. Наши современныя женщины знаютъ гораздо больше чаръ туалета, чѣмъ тѣ, бывшая—это несомнѣнно. Но тамъ, тогда, было особое обаяніе, которое теперь ничѣмъ не создашь, обаяніе непосредственности и наивности...

В. В. Верещагинъ въ своей превосходно изданной книгѣ „Памяти прошлаго“ собралъ рядъ очерковъ, частью ранѣе напечатанныхъ (одинъ въ „Столицѣ и Усадьбѣ“), частью впервые печатаемыхъ.

Приводимъ съ разрѣшенія автора страничку о костюмѣ и прическѣ. Въ этомъ приблизительно, всегда мягкомъ, нѣжномъ тонѣ и вся книга. В. В. проходит мимо отрицательныхъ чертъ и любовно останавливается на несерьезномъ часто, но миломъ, вызывающемъ улыбку или вздохъ. Отрицательное не скрыто отъ него, но зачѣмъ тревожить лишній разъ мрачныя тѣни прошлаго...

...Послѣ долгихъ и краснорѣчивыхъ доводовъ заботливой матери, что „долгъ дѣвушки нравиться всѣмъ и всѣми способами, чтобы однимъ какимъ нибудь прельстить одного“—приступаютъ къ туалету. „Лизаньку намазали различными веществами, взятыми въ косметической лавкѣ Розенштрауха, который отпустилъ по запискѣ помаду „à la tubéreuse“, духовъ „à la réséda“, притиранье „lait virginal“ и румяна „rose végétal“,—и передъ баломъ уложили спать. Но скоро возвѣстили приходъ парикмахера. Лизанька вышла въ уборную полусонная, полуодѣтая въ легкомъ каленкоровомъ капотѣ, который почти ничего не скрывалъ и въ которомъ видятъ дѣвушекъ однѣ горничныя и—хладнокровные парикмахеры. Ее посадили передъ зеркаломъ, окружили полдюжиной дѣвокъ, освѣтили свѣчами. Искусная гребенка пробѣжала по собственнымъ ея волосамъ; къ нимъ присовокупили двѣ косы и восемнадцать буколей, насадили кустарникъ цвѣтовъ, вплели бусовъ и шнурковъ, а заботливая маменька разъ десять передѣлывала всѣ труды парикмахера и все находила, что прическа не къ лицу.

Настало время приниматься за шнурованіе. Самъ Франкъ примѣрялъ „выразительный“ корсетъ, лишнее ушилъ и урѣзалъ; двѣ смѣны самыхъ здоровыхъ горничныхъ затаили двойные шнурки, — Лизанька худѣла въ одномъ мѣстѣ, чтобы въ другомъ сдѣлаться роскошнѣе. Наконецъ принесли пару бѣлыхъ атласныхъ башмаковъ отъ госпожи Риссъ и чудесное произведеніе моднаго искусства—прозрачное флеровое платье отъ мадамъ Мегронъ, обшитое атласными фигурами, изображеніе которыхъ, составляющее предметъ гордости модныхъ торговкокъ, есть доказательство генія и совершенства вкуса. На Лизаньку съ почтеніемъ надѣли эфирное вещество сіе... Но возможно ли!.. О горе!.. О злодѣяніе!.. Оно длинно!.. Заботливая мать приходитъ въ бѣшенство, несчастная Лизанька страдаетъ, служительницы падаютъ ницъ, подшиваютъ платье и открываютъ ноги, которыя уже не разъ привлекали злодѣйскіе лорнеты... Щеки покрыты румянцемъ... На шею Лизаньки надѣли разнообразные брильянты, опрыскали и окурили благовоніями...—„Не забудь мои совѣты“, громко сказала матушка, садясь въ карету. „Пошелъ“, закричали трехаршинные лакеи.—„Счастливы путь“, прошептали утомленные служанки...

„Въ нынѣшнемъ костюмѣ“, говоритъ неизвѣстный хроникеръ Московскаго Меркурія 1803 года, „главнымъ почитается обрисованіе тѣла. Есть ли у женщины не видно сложенія ногъ отъ башмаковъ до туловища, то говорить, что она не умѣетъ одѣваться или хочетъ отличиться странностью. Когда Нимфа идетъ, платье искусно подобранное и позади гладко обтянутое показываетъ всю игру мускуловъ при ея каждомъ шагѣ“.

...Чтобы производить такое эстетическое впечатлѣніе, платья дѣлались узкими изъ легкихъ, полупрозрачныхъ матерій: мусселина, батиста, крепа, перкаля или кисеи, плотно охватывавшихъ станъ и наглядно обрисовывавшихъ формы. Такія платья, иногда только съ низу обшитыя каймами изъ лентъ или гирляндами изъ листьевъ, иногда же со сплошь на нихъ вышитыми мелкими узорами, бывали всегда однотонныя и чаще всего бѣлыя, что именно и придавало имъ желаемый характеръ простоты и величія. Онѣ дѣлались спереди короткими, а сзади длинными, съ треномъ и надѣвались на одну рубашку безъ юбки.

По мнѣнію женщинъ того времени, „самая тонкая юбка отнимала у самаго тонкаго платья всю прозрачность и обратила бы ихъ въ ханжей, которыя хотятъ быть умнѣ другихъ и безмолвно порочить всѣхъ кромѣ себя“. Климатическія условія такъ мало, однако, соответствовали этой легкомысленной модѣ, что современныя щеголихи, отказавшись отъ ненавистной имъ юбки, принуждены были волей неволей замѣнить ее „исподнимъ платьемъ мужскаго покроя изъ трико тѣлеснаго цвѣта“. Но матеріи наружнаго платья продолжали оставаться прозрачными, что по прежнему давало „богинѣ“ возможность „торжествовать надъ стихіями, не страшась

ни морозовъ, ни лучей солнечныхъ и щеголять такими прелестями, которыя прежде укрывали отъ любопытнаго взора Профановъ, какъ священныя Египетскія таинства! Эти раскрытыя прелести давали даже поводъ расточать женщинамъ такія похвалы, которыя, при существующихъ у насъ понятіяхъ о приличіи, показались бы намъ, по меньшей мѣрѣ, неумѣстными. „Ни одинъ мужчина уже не говорилъ о красотѣ рукъ или грудей; кто хотѣлъ сказать молодой дамѣ учтивость, тотъ хвалилъ сложеніе и формы нижнихъ ея частей“.

Исходя затѣмъ, вѣроятно, изъ того же побужденія „никого безмолвно не порочить“—лифы, съ прямыми или сердцеобразными вырѣзами, спускавшимися на юбку въ видѣ крыльевъ бабочки, почти обнажали весь бюстъ и открывали спину, эффектно выказывая красоту шей и красивую посадку головы. Это обнаженіе бюста еще болѣе подчеркивалось короткими таліями, которыя носили съ перехватомъ подъ мышками, при полномъ отсутствіи рукавовъ, замѣнявшихся помочами изъ лентъ, или при очень короткихъ рукавахъ, еле закрывавшихъ плечи. На руки, почти до плечъ, надѣвали длинныя, цвѣта замши, перчатки. Наконецъ, въ подражаніе костюму классической древности, ноги обувались въ „котурны“—древне-греческую обувь безъ каблуковъ, съ переплетенными на чулкахъ лентами, а поверхъ платья надѣвались легкія, не доходившія до колѣнъ, прозрачныя туники, прикрѣплявшіяся на плечахъ аграфами изъ брилліантовъ, камней или золота, на античный манеръ. Всегда однотонныя, туники эти дѣлались цвѣта отличнаго отъ платья и обшивались каймами греческаго узора, узкими лентами или мѣховою опушкой (tunidue à la gusse). „Это были съ позволенія сказать чуть не просто рубашки“, съ негодованіемъ говоритъ о нихъ въ своихъ воспоминаніяхъ Е. П. Янькова, извѣстная бабушка Д. Благово, прибавляя, что „разумѣется, порядочные люди не доходили до такихъ крайностей, а все же дуррачились“.

...Такую же простоту преслѣдовали и женскія прически, впадшія даже въ непонятную, въ этомъ отношеніи и уродливую крайность. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ ни у одной женщины не было достаточно волосъ для прически; теперь у всѣхъ,—ихъ оказалось слишкомъ много. Въмѣсто воздвигавшихся на головахъ щеголихъ

высокихъ горъ, холмовъ, усыпанныхъ цвѣтами, луговъ пѣнистыхъ потоковъ изъ искусственныхъ прядей косъ и локоновъ, вмѣсто сложнѣйшихъ и громоздкихъ причесокъ, вродѣ „прелестной простоты“ или „расцвѣтающей пріятности“—появились вдругъ гладко остриженные головы или „половинная“ стрижка головъ, съ бритыми или коротко подстриженными на затылкѣ волосами, въ подражаніе послѣднему туалету осужденнаго на казнь. Такія прически назывались сначала „à la victime“ или „à la guillotine“, а, впоследствии, когда волосы начали завивать мелкими кудрями по всей головѣ,— „à la Titus“.

...Блестящимъ метеоромъ промелькнула воздушная „богиня“ начала XIX вѣка. Приблизительно съ 1806 года, въ ущербъ общей стилиности наряда, женщины начали прикрывать свои чары. Исчезли легкія, полупрозрачныя ткани, утратилась ихъ благородная простота. Платья начали носить изъ болѣе плотныхъ матерій, гладкихъ: гро-муара, гро-детура, гро-гро, гро-д'оріана, сатень-тюрка, бомба и затканыхъ: пети-броше, пети-семе, гранъ-рамажъ (или „большая ромашка“, какъ называли торговцы), матерій вышитыхъ золотомъ и серебромъ, и бархата. Отказались также отъ однотоннаго бѣлаго цвѣта, замѣнивъ его разными другими цвѣтами, которые, особенно къ 20-мъ годамъ, окрестили самими странными и невѣроятными названіями: упавшей въ обморокъ лягушки (grenouille évanouie), испуганной мыши (souris éffrayée), влюбленной жабы (crapaud amoureux), мечтательной блохи (puce rêveuse), и даже паука, замышляющаго преступленіе (araignée méditant un crime).

... Едва ли также, при такихъ короткихъ таліяхъ и платьяхъ, могли казаться изящными введенные въ 1808 году въ моду пышныя, искусственно увеличивающіе ширину плечъ, рукава, которые носили въ видѣ буффовъ по французской модѣ конца XVI и XVII столѣтія. Мода на „буффы“ просуществовала приблизительно до 1818 года, когда опять появились прежніе граціозныя полурукавчики, спускавшіеся съ плечъ, какъ бы въ видѣ эпюлетокъ, и замѣненные, въ свою очередь, къ серединѣ 20-хъ годовъ рукавами „à la gigot“ или „à l'éléphant“. Эти рукава чрезмѣрно расширялись къ плечамъ, съ цѣлью подчеркнуть, быть можетъ, манерную грацію появившихся въ то время осинныхъ талій.

Искрометной веселости часъ
Поблѣднѣлъ и погасъ,
И ползетъ изъ угловъ темнота...
Просыпайся, мечта!

Мы съ тобой въ небеса улетимъ
И надъ міромъ земнымъ
Лучезарную пѣснь пропоемъ
О весельѣ быломъ...

Ан. Волынцева.

Александръ Бенуа пишетъ въ „Рѣчи“ о новомъ направленіи въ русской архитектурѣ, радуясь этому и выступая фанатикомъ классицизма.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ никто бы не повѣрилъ, если бы сказали, что русская архитектура, въ лицѣ самыхъ своихъ свѣжихъ и юныхъ элементовъ, рѣзко и добровольно повернетъ отъ націонализма къ космополитической классикѣ. 1880-е и 1890-е годы означали расцвѣтъ націоналистическихъ увлеченій въ искусствѣ. То, что съ величайшимъ трудомъ съ самыхъ дней Николая Павловича прививалось къ русскому обществу, казалось, наконецъ, принявшимся и дальнѣйшій ростъ древа русскаго искусства обезпеченнымъ въ данномъ направленіи. Сгоряча даже была уничтожена масса превосходныхъ зданій эпохи Екатерины II и Александра I и замѣнена сооруженіями въ „чисто-русскомъ“ стилѣ. Среди этихъ побѣдъ надъ художественнымъ засиліемъ Запада съ особой гордостью цитировались московскіе „Ряды“ Померанцева, выросшіе на мѣстѣ прекраснаго классическаго зданія, а люди мало разборчивые готовы были принять за побѣду и нашъ „Храмъ 1-го марта“. Тогда же въ академіи слабые отголоски „разнесанса“ и „Луисеза“, какъ ихъ понимали Кракау и Гедике, были почти задавлены наплывомъ всевозможныхъ имитаций волжской и новгородской архитектуры,

а въ качествѣ общаго идеала надъ всѣмъ высилась гроздь куполовъ того храма, который классикомъ Наполеономъ былъ награжденъ кличкой „cette pagode“—Василья Блаженнаго.

И вотъ теперь пройдитесь по выставкѣ академическихъ конкурентовъ.

...Выставка архитекторовъ-конкурентовъ представляетъ собой совершенно поразительный примѣръ выдержки и единодушія. У какихъ бы профессоровъ ни учились ученики—всѣ они сочиняютъ и разрабатываютъ свои проекты согласно канонамъ сданной было въ архивъ „абсолютной красоты“, всѣ они выдаютъ внимательное изученіе Палладію, Скамони или нашихъ русскихъ палладіанцевъ: Гваренги, Росси, Томона, Старова и Стасова...

...Иностранцы намъ говорятъ: „будьте какъ можно болѣе русскими, вы тогда такіе интересные и забавные, будьте comme le ballets russes—красочными, бизарными, немножко сумасшедшими.“

А наши юноши имъ отвѣчаютъ: мы не хотимъ изъ себя корчить того, чѣмъ мы уже не можемъ быть, мы не хотимъ повторять ту ошибку, въ которую вы сами впали, когда, подъ влияніемъ романтизма, вы попытались вернуться къ „своимъ“ среднимъ вѣкамъ. Мы желаемъ дѣлать то, что требуетъ нашъ вкусъ, что намъ подымаетъ и укрѣпляетъ

СПОРТЪ И КОННОЗАВОДСТВО.

„Джонъ-Макъ-Керронъ“—к. жер. род. 1912 г., Т. Н. Телегиной, собственного завода, отъ Гарри-Макъ-Керронъ и Сирены. Побѣдитель приза „Въ память 200-лѣтїя г. Петрограда“ (для метисовъ), 27 сентября 1915 г. при рѣзвости 1.28²/₃ сек. По 1-е ноября 1915 г. выигралъ 29.398 руб.

„Лавръ“—к. жер. род. 1910 г., влад. Н. В. Телъгинъ, собственного завода, отъ Джо-е-Маккерона и Легенды. Побѣдитель приза „Въ память исполнившагося въ 1886 г. 25-лѣтняго юбилея Общества“, разыграннаго 15 ноября 1915 г. при рѣзвости 1¹/₂ в.—2.15³/₈. Лучшая рѣзвость: 1 в.—1.28⁷/₈, 1¹/₂ в.—2.13 и 3 в.—4.39²/₈. По 18-е ноября 1915 г. выигралъ 60.486 руб. Съ лѣвой стороны—наѣздникъ С. Кейтонъ.

душу, и, главное, намъ сейчасъ важно вообще не возвращаться назадъ, не стоять на одномъ мѣстѣ, а идти вмѣстѣ съ вѣкомъ, важно въ искусствѣ дать просторъ тому стремленію къ общечеловѣческому единенію, которое, увы, въ политикѣ сейчасъ замѣнилось какимъ-то какофоническимъ смѣщеніемъ національныхъ темъ.

Объ общечеловѣческомъ единеніи въ наши кошмарные дни рискуютъ писать немногіе, и тѣмъ радостнѣе читать это.

Самая мировая война нашихъ дней укажетъ на то, до какого огрубѣнія дошло вообще человѣчество, какъ чудовишно быстро оно растеряло все то, изъ чего сталъ было воздвигаться храмъ общечеловѣческой души. И тогда „опыты оживленія національнаго искусства“ явятся многозначительными предвѣстниками надвинувшихся взаимно-уничтожающихъ распрей. Вѣдь въ искусствѣ всегда являются первые симптомы того, что затѣмъ выражается въ стихійныхъ поступкахъ цѣлыхъ народовъ. Но все же этимъ будущимъ изслѣдователямъ нашей эпохи покажется непонятнымъ, какъ это люди зрѣлые, умные и даже прозорливые могли вѣрить всему тому, что преподавалось подъ видомъ благородныхъ съ виду теорій о необходимости возвращенія въ искусство каждымъ народомъ своего національнаго лица.

Р. С. Этотъ отдѣлъ озаглавленъ „Среди книгъ и журналовъ“, а приходится брать выдержки „интереснаго“ чуть ли не чаще изъ газетъ. Газета отодвигаетъ книгу и журналъ на задній планъ, газета все чаще перехватываетъ теперь наиболее интересный матеріалъ...

Но кажется не нужно смущаться этимъ: то что поверхностно, на лету, схвачено мозгомъ въ газетѣ, только пробуждаетъ интересъ къ книгѣ, въ которой потомъ соберутся обрывки и разрозненное, уже процѣженное черезъ чужія мысли и сглаженное временемъ. Ничто дѣйствительно цѣнное, построенное не на минутномъ только интересѣ, не бросается вмѣстѣ съ прочитанной газетой, не забывается— оно снова появляется на страницахъ книги и переходитъ въ будущее. И не правда, что книгу теперь не читаютъ—вѣрнѣе слишкомъ много книгъ, которыя напрасно печатаются.

Книги у насъ какъ блины пекутъ.

* * *

Этотъ человѣкъ пришелъ какъ то въ редакцію большой газеты. Небольшого роста, рыжеватый блондинъ съ маленькой чухонской бородкой, съ раскосыми голубыми глазами, съ такими глазами, какіе зовутъ „морскими“. Одѣтый какъ-то неопредѣленно, не то какъ рабочій, не то какъ матросъ. Онъ никого не зналъ изъ сотрудниковъ газеты. Просилъ прочесть его рукопись. Это оказался небольшой рассказъ изъ морской жизни. Редакторъ, прочтя рассказъ, пришелъ въ восхищеніе: такой оригинальной свѣжестью и знаніемъ моря вѣяло отъ этихъ страницъ. Рассказъ прочли еще другіе сотрудники газеты. Имъ также рассказъ понравился; понравился настолько, что нѣкоторые усомнились полнинный ли это авторъ рассказа. Сострикли даже по поводу фамиліи автора—Черманъ, что это не Черманъ, а Черпманъ, что онъ откуда-то несомнѣнно черпаетъ, а не пишетъ самостоятельно. Думали, что онъ заимствуетъ изъ какихъ нибудь мало извѣстныхъ у насъ южно-американскихъ или калифорнійскихъ изданій. Выяснилось, что Черманъ еще ребенкомъ, чуть ли не изъ четвертаго класса гимназіи, бѣжалъ изъ родительскаго дома и поступилъ юнгой на какое то парусное судно. Затѣмъ онъ плавалъ на десяткахъ судовъ, но исключительно парусныхъ. Пароходовъ Черманъ не признавалъ и настоящими моряками считалъ только тѣхъ, кто плаваетъ на парусникахъ. Лѣтъ девять Черманъ качался гдѣ то въ Южномъ океанѣ, около береговъ Африки и Южной Америки, нѣсколько разъ плавалъ кругомъ свѣта. Его тянуло всегда на суда, торгующія то слоновой костью, то

краденнымъ золотомъ, то чуть ли не невольниками... Плавалъ онъ даже на пиратскихъ бригахъ. Это былъ авантюристъ въ душѣ, котораго тянуло не только къ морю, но тянуло къ опасности, риску, приключенію, къ авантюрѣ.

Для того, чтобы провѣрить подлинный ли это авторъ своихъ рассказовъ, Черману предложили написать рассказъ на такую тему:

„Дѣвочка, дочь капитана, больная чахоткой, живетъ со своимъ отцомъ гдѣ то въ Австраліи или въ Новой Зеландіи. Отецъ безумно любитъ дочь, окружаетъ ее всячески заботливостью, но вдругъ внезапно умираетъ и эта больная дѣвочка остается на рукахъ команды судна, на которомъ отецъ ея когда то служилъ командиромъ. Офицеры рѣшаютъ везти больного ребенка на родину, надѣясь, что родной климатъ восстановитъ здоровье. Дѣвочка ѣдетъ на военномъ суднѣ изъ Австраліи въ Россію и по дорогѣ умираетъ...“

Изъ этой несложной фабулы Черманъ черезъ нѣсколько дней сдѣлалъ такой прелестный рассказъ, съ такимъ знаніемъ моря и морской жизни описалъ переѣздъ по океану, что ни для кого не оставалось сомнѣній, что Черманъ подлинный авторъ и прежнихъ рассказовъ.

Всякое предположеніе о заимствованіи разсѣялось.

Лучшій рассказъ Чермана—это „Черный капитанъ“. Рассказъ былъ напечатанъ въ „Новомъ Времени“, затѣмъ изданъ дважды особой книжкой, но изданія давно разошлись. Авторъ, осыпши на мѣстѣ, скоро умеръ, а о „Черномъ капитанѣ“ забыли.

Вл. К.

* * *

Интересная статья архитектора Я. Гевирца „О квартирныхъ цѣнахъ въ Петроградѣ“ („Архитектурно-Художеств. Еженедѣльникъ“) попутно возбуждаетъ рядъ вопросовъ не безразличныхъ для каждаго, кому дорого художественное будущее столицы. „Въ основныхъ чертахъ постройки Петрограда послѣдняго времени не отличаются сколько-нибудь существенно отъ его построекъ времени лѣтъ за сто. Тѣ же рыхлые, изъ ненадежныхъ матеріаловъ, фундаменты, тѣ же грузныя и ненадежныя стѣны, тѣ же тяжелые, опасные въ пожарномъ отношеніи полы...“ Еще хуже обстоитъ съ красотой петроградскихъ построекъ. „Декоративная сторона архитектуры жилыхъ домовъ—жертва вкусовъ и моды, и сама законодательница моды, въ общемъ, кажется, не на пути истины. Приуменившая и приспособляющая ради „стиля“ монументальныя формы архитектуры дворцовъ и храмовъ, грубоватой имитацией ради сомнительной дешевизны, профанируя лучшія произведенія зодчества, популяризируя ихъ на манеръ шарманки, она затемняетъ ихъ истинную сущность и обезцѣниваетъ въ подлинныхъ проявленіяхъ“. Съ другой стороны „очень строгія гигиеническія требованія, — говоритъ авторъ, — могутъ привести къ такимъ цѣнамъ на квартиры, когда на хлѣбъ не хватитъ средствъ“. Законодательство и соединенная дѣятельность общественныхъ учреждений и ассоціаций должны заблаговременно принять мѣры къ облегченію процесса, грозящаго намъ эстетическимъ обнищаніемъ нашего царственнаго города.

* * *

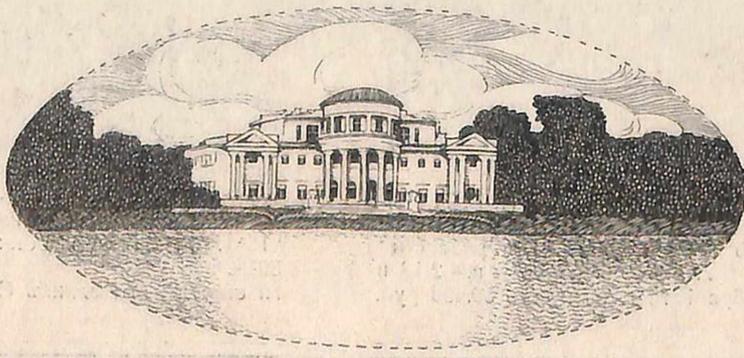
Н. Л.

Жуковский въ одномъ изъ своихъ очаровательныхъ писемъ къ очаровательной А. А. Воейковой („Русс. Библиофилъ“, № 7) рассказываетъ презабавную исторію о семьѣ Пушкиныхъ, близкихъ поэта (1828 г.).

„Пушкина Ольга Сергѣевна однимъ утромъ приходитъ къ брату Александру и говоритъ ему: „милый братъ, поди скажи нашимъ обшимъ родителямъ, что я вчера вышла замужъ за...“. Братъ удивился, немного разсердился, но, какъ умный человѣкъ, тотчасъ увидѣлъ, что худой миръ лучше доброй ссоры, и понесъ извѣстіе къ родителямъ. Сергѣю Львовичу сдѣлалось дурно: привели цырюльника пустить кровь, и Пушкинъ замѣчаетъ, что отецъ его въ безпамятствѣ горя поднялъ споръ съ цырюльникомъ и началъ учить его, какъ пускать кровь, но тѣмъ и кончилъ, а теперь всѣ помирились.

Обстоятельства, при которыхъ вышла замужъ сестра поэта, дѣйствительно не совсѣмъ обычныя, изображены Жуковскимъ неточно; свадьба Ольги Сергѣевны не была тайной для матери и брата, который самъ встрѣчалъ новобрачныхъ по возвращеніи ихъ изъ церкви. Но отецъ—„весь какъ намалеванъ“...

Н. Л.

„Елагинъ дворець“. Заставка Дени.

Начальник
полярной экспеди-
ции флиг.-адъют.
Б. А. Вилькицкий.

На полярномъ морѣ.
Катанье на байдарѣ по
озеру, образовавшемуся
поверхъ льда.

Соб. фот. Вилькицкаго.

Охота на бѣлаго
медвѣдя.

ЭКСПЕДИЦІЯ ВИЛЬКИЦКАГО.

Населеніе Архангельска торжественно встрѣтило 3-го сентября Б. А. Вилькицкаго. Прибытіе же отважнаго путешественника въ столицу прошло незамѣтно.

435 дней суровой борьбы со стихіей и громаднѣхъ напряженій энергіи отразились на виѣшности Б. А. совершенно неожиданнымъ образомъ. Какъ будто человекъ вернулся съ климатической кавказской станціи, а не изъ царства льда и тьмы.

Выйдя изъ Владивостока 24-го іюня 1914 г. на „Таймырь“, въ сопровожденіи „Вайгача“, экспедиція къ сентябрю достигла мыса Челюскина, гдѣ и зазимовала, переживъ сто сутокъ полярной ночи. Большими усиліями преодолѣвъ все ужасы полярной зимы съ 50-градусными морозами, безпросвѣтной тьмы, пронизываемой лишь изрѣдка сѣвернымъ сіяніемъ, Вилькицкій привелъ оба судна цѣлыми и невредимыми въ архангельскій портъ.

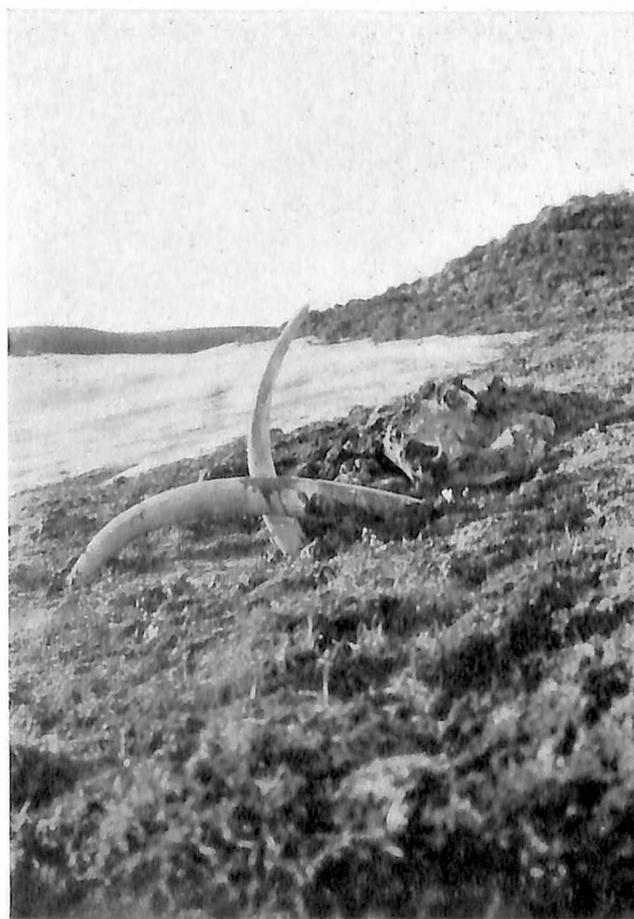
* * *

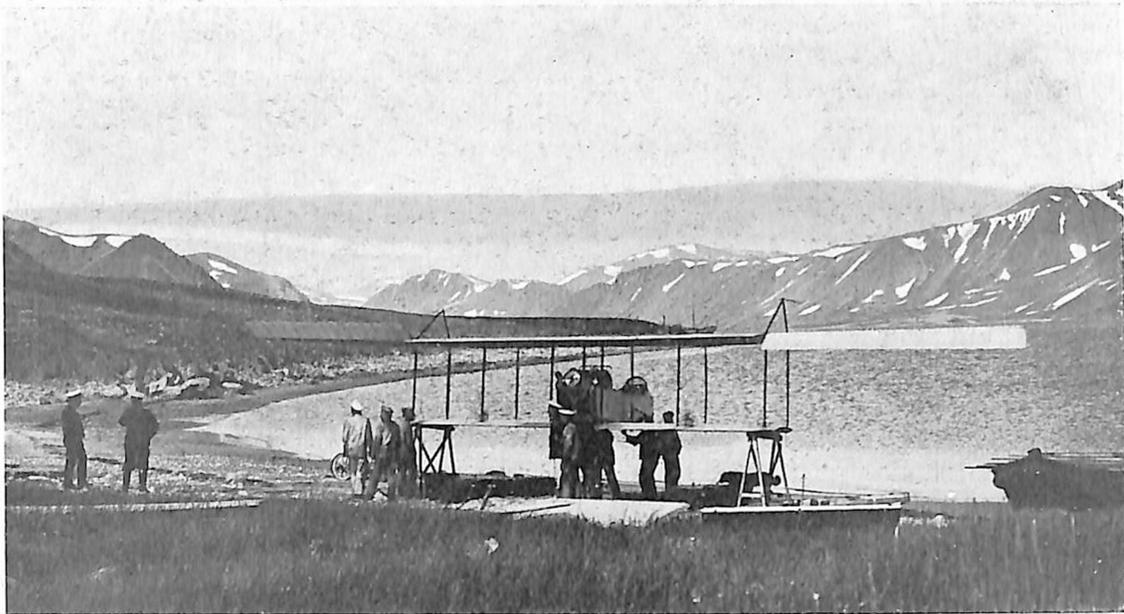
Сейчасъ флигель-адъютантъ Б. А. Вилькицкій возвратился на нѣкоторое время въ Архангельскъ для приведенія въ порядокъ оставшихся матеріаловъ и осмотра судовъ.

Эскимосская хижина на остр. Св. Діомида въ Беринговомъ морѣ.

Скелетъ мамонта, на берегу Таймырскаго полуострова.

Сборка гидроаэроплана.

„Вайгачъ“ во льдахъ у
острова Врангеля.
(Въ серединѣ).

Медвѣженокъ и щенки на
палубѣ „Вайгача“.
(Внизу).

По возвращеніи изъ Архангельска Б. А. Вилькицкому предстоятъ большіе труды по подготовкѣ научнаго доклада въ Географическомъ Обществѣ, а также по систематизированію матеріаловъ, собранныхъ въ Ледовитомъ океанѣ.

Докладъ изслѣдователя долженъ рѣшить вопросъ о сѣверномъ морскомъ пути изъ Владивостока въ Архангельскъ и въ устья сибирскихъ рѣкъ. Мнѣніе капитана Вилькицкаго должно установить, имѣетъ ли пройденный экспедиціей путь изъ Великаго океана въ Бѣлое море торговое значеніе. Пока капитанъ Вилькицкий выяснилъ, что въ районѣ Таймырскаго полуострова всегда можно встрѣтить большія скопленія льда, которыя могутъ задержать суда на годъ или даже на нѣсколько лѣтъ; плаваніе же отъ Берингова пролива до Таймырскаго полуострова и изъ Европы до этого полуострова не представляетъ особыхъ затрудненій.

(По „Веч. Вр.“).

ИСТОЩЕНІЕ

и худосочіе на почвѣ чахотки и другихъ хроническихъ болѣзней, неврастенія и нервныя заболѣванія, безсиліе, сердечныя заболѣванія, старческая дряхлость съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣлствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе „СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“ и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствию ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе спермина“, интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣчныхъ марки, только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

Профессоръ Д-ръ **ПЕЛЬ** и С-ва. П. Т. Г.
Поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

МАРКУСЪ ЗАКСЪ

КОРСЕТЫ

ПЕТРОГРАДЪ
ЛИТЕЙНЫЙ 45
ТЕЛ. 438-40

ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МУЖСКОГО ТУАЛЕТА.

Jockey-Club
№40. NEVSKY. №40.

Телефонъ 58-24.

PIJAMAS

ГОТОВЫЕ И НА ЗАКАЗЪ.

(ЧЕТВЕРТОЕ
ИЗДАНИЕ)

Вл. Крымовъ. О ПРОЧЕМЪ.

1 р. 25 к. Выписыв. изъ конт. „Ст. и Ус.“, Невскій 28—пересылка бесплатно.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку Петроградской Косметической Лабораторіи, которыя имѣются на всѣхъ этикетахъ.

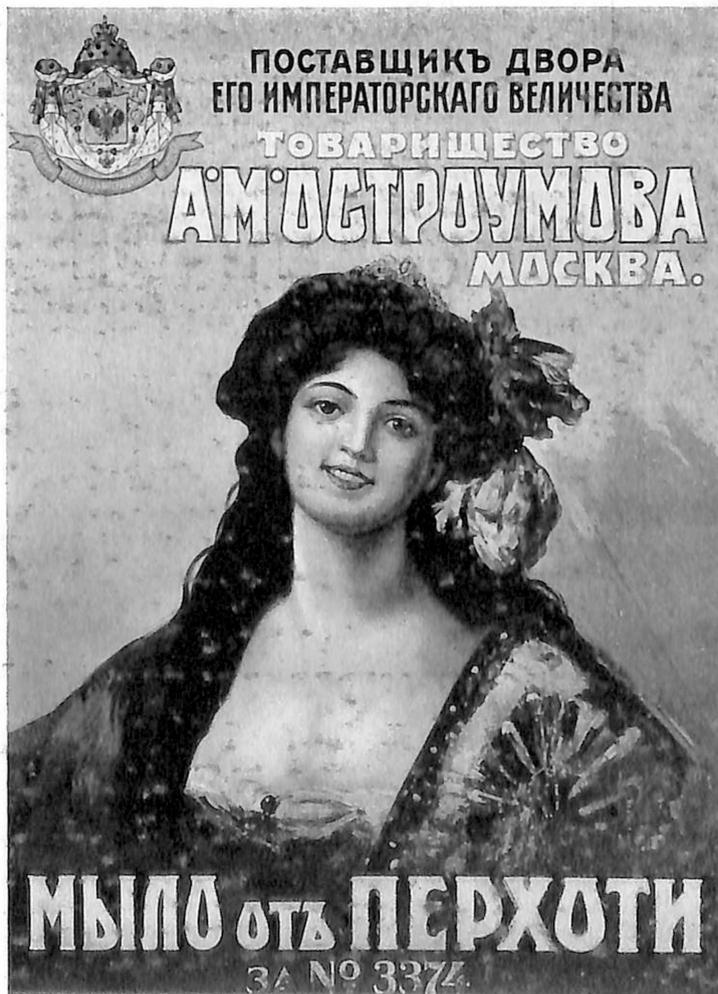
Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ, косметическихъ и парфюмерныхъ складахъ.

Агентства и склады фирмы во всѣхъ большихъ городахъ Европы.

Главный складъ для Россіи

А. ЭНГЛУНДЪ.

Птл., Новодеревенск. наб. 15.

**АВТО
ШИНЫ
ЕЛКА
ТРЕУГОЛЬНИКЪ**

**ЕКАТЕРИНСКІЙ КАН. 34, ТЕЛ. 483-50
ПЕТРОГРАДЪ**

ТОРГОВЫЙ
ДОМЪ
ОБЮССОНЪ.

МЕБЕЛЬ, КОВРЫ,
МЕБЕЛЬНЫЯ
МАТЕРІИ.

ПЕТРОГРАДЪ, МОРСКАЯ № 23 и 25.

ТЕЛЕФОНЫ:

484-55, 606-94, 666-46.

„АРГУСЪ“

ПЕРВЫЙ И ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССІИ
ОБЩЕДОСТУПН. ХУДОЖЕСТВ. ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ.

4-й годъ изданія.

Открыта подписка
на 1916 годъ

ВСЕ,

Цѣна за годъ съ
7 преміями 7 руб.

ИНТЕРЕСУЮЩЕЕ ШИРОКІЕ ЧИТАТЕЛЬСКІЕ КРУГИ,
ВЪ „АРГУСЪ“.

ЛУЧШІЕ ПИСАТЕЛИ, ЛУЧШІЕ ХУДОЖНИКИ, ЛУЧШІЕ ФОТОГРАФЫ-
КОРРЕСПОНДЕНТЫ.

Въ 1916 году „Аргусъ“ предлагаетъ годовымъ подписчикамъ:

СЕМЬ БОГАТЫХЪ ПРЕМІЙ,

Исполненн. въ мастерск. Поставщ. Двора Е. И. В. Голице и Вильборгъ.

ПЯТЬ КАРТИНЪ ВЪ КРАСКАХЪ,

исполненныхъ лучшими русскими художниками:

- 1) И. Билибинимъ, 2) Н. Ре-ми, 3) проф. Н. С. Самоишемъ,
4) Степаномъ Колесниковымъ и 5) О. Шарлеманомъ.

ДВѢ РОСКОШНЫХЪ ГЕЛЮГРАВИЮРЫ:

6) ПОДВИГЪ КАЗАКА—Н. И. Кравченко.

7) ОСКВЕРНЕННАЯ СВЯТЫНЯ—меццо-тинто.

Первая премія разослана будетъ годовымъ подписчикамъ съ
январскимъ номеромъ „Аргуса“.

Подписная цѣна на „АРГУСЪ“ съ семью преміями:

7 р. въ годъ, съ перес. 4 р. на полг., съ пер. **РАЗСРОЧКА:** 4 р.
при подп., 3 р. въ июнь. Подписка на журналъ „АРГУСЪ“ съ
преміями принимается во всѣхъ почтово-телеграфныхъ конто-
рахъ Россійской Имперіи, книжныхъ магазинахъ и въ Главной
Конторѣ журн. „АРГУСЪ“. Петроградъ. Сергіевская, д. 17-5а.
Редакторъ Вас. Регининъ. Издатель Акц. О-во „Биохромъ“.

КАРТИНЫ, СТАРИННЫЯ ВЕЩИ, ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА.

THE BURLINGTON MAGAZINE

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ,

подъ редакціей Lionel Cust Litt. D., C. V. O.
Roger E. Fry и More Adey.

The Burlington Magazine признанъ авторите-
томъ во всѣхъ вопросахъ искусства и исторіи
искусствъ. Къ сотрудничеству привлечены луч-
шіе знатоки въ различныхъ областяхъ. Въ жур-
налѣ помѣщаются полныя обзорныя литературы
объ искусствѣ, могущія служить исчерпываю-
щимъ руководствомъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

АРХИТЕКТУРА.	КОЖАНЫЯ ИЗДѢЛІЯ.
БРОНЗА.	МАЙОЛИКА.
ВИТРАЖИ.	МЕБЕЛЬ.
ВЫШИВКИ И КРУЖЕВО.	МЕДАЛИ И ПЕЧАТИ.
ГРАВИЮРЫ И РИСУНКИ.	МИНИАТЮРЫ.
ГРЕЧЕСКОЕ ИСКУССТВО.	МОЗАИКА.
ЖИВОПИСЬ.	ОРУЖІЕ И ДОСПѢХИ.
ЗОЛОТОЕ ДѢЛО.	ПЕРЕПЛЕТЫ.
ИГРАЛЬНЫЯ КАРТЫ.	СЕРЕБРО И МѢДЬ.
КЕРАМИКА И СТЕКЛО.	СКУЛЬПТУРА.
КНИГИ И РУКОПИСИ.	СЛОНОВАЯ КОСТЬ.
КОВРЫ.	ШПАЛЕРЫ, и т. д., и т. д.

Систематическій указатель главнѣйшихъ статей, помѣ-
щенныхъ въ журналѣ за прошлые годы, высылается по
требованію бесплатно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

35 шиллинговъ=44 франка=16 руб. 60 коп. въ годъ съ
перес.; цѣна отдѣльнаго номера 2 шил. 6 пенс.

THE BURLINGTON MAGAZINE—
17, OLD BURLINGTON STREET, LONDON, W.

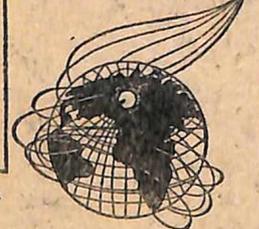
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 г.

на самый большой въ Россіи (32 стр. текста, болѣе 100 рисунковъ еженедѣльно)
богато иллюстрированный литературно-художественный, научно-популярный,
общественный и злободневный журналъ

6 руб.
въ годъ.

На 6 мѣсяцевъ 3 р. 25 к.

ВЕСЬ МІРЬ

6 руб.
въ годъ.

На 3 мѣсяца 1 р. 75 к.

Изданіе Анциперн, об-ва
„С Л О В О“.

Редакторъ Баронесса
С. И. ТАУБЕ (С. Анчикова).

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Достигшіи за послѣдніе годы небывалаго въ Россіи для подобныхъ изданій тиража, полу-
чившіи широкое распространѣніе за границей, „Весь Миръ“ съ столь не высокой цѣной
на 6 руб. въ годъ даетъ такое множество болѣе эстетическаго, художественнаго, научнаго
и проч. матеріала, что съ нами
не можетъ конкурировать
ни одинъ еженедѣльный журналъ въ Россіи.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА.

**Европейская война въ иллюстраціяхъ соб-
ственныхъ фотографовъ-корреспондентовъ.**

Беллетристика: рассказы, романы,
повѣсти, стихи, мемуары и пр. лучшихъ
русскихъ и иностранныхъ авторовъ съ
рисунками и иллюстраціями.
Государств. Дума съ иллюстраціями.
Популярно-научный отдѣлъ, въ ко-
торомъ помѣщаются, помимо переводныхъ,
статьи извѣстныхъ русскихъ ученыхъ.
Богато иллюстрированный театральныи
отдѣлъ, охватывающій всѣ новыи русскіи
и иностранныи театры.

Въ отдѣлѣ спорта, поставленномъ въ
журналѣ „Весь Миръ“ на высочайшій спеціаль-
ный органъ, корреспонденту принимаются
участіе извѣстные спортсмены.
Въ отдѣлѣ нашихъ парижскихъ и лон-
донскихъ корреспондентовъ помѣщаются
лучшіе общіи рисунки, помѣщаются
модели лучшихъ домовъ, Париза и Лондона.
Отдѣлъ „Полезныя свѣдѣнія и хозяй-
ства“.

Подписка принимается во всѣхъ почтово-телеграфныхъ конторахъ и отдѣленіяхъ
Россійской имперіи и иностранныхъ магазинахъ.

Подписку слѣдуетъ адресовать: Петроградъ. Контора журнала
„ВЕСЬ МІРЬ“, Ул. Жуковскаго, № 21—23, собствен. домъ.

4-ый годъ изданія.

ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ.
на еженедѣльный журналъ Сатиры и Юмора

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Всѣ годовые подписчики получаютъ:

52 номера богато иллюстрированнаго красочными **52**
рисунками и каррикатурами журн. больш. форм.

Рисунки и текстъ лучшихъ русскихъ художниковъ и писателей.

3 БЕЗПЛ. ТН. Кромѣ того, всѣ годовые БЕЗПЛАТН.
3 ПРЕМІИ; подписчики получаютъ ПРЕМІИ: **3**

Одну обильно иллюстрированную книгу:

Десять лѣтъ русской конституціи. Въ звучныхъ, мѣткихъ
стихахъ, стихахъ суаеъ отражено все большое и маленькое, смѣшное
и печальное, все бѣлое и черное — что произошло за эти удив. 10 л.

„Вѣстникъ Знанія Нового Сатирикона“. Если когда-ни-
будь существо-
вало сомнѣніе въ томъ, что Сатириконецъ заботился о своихъ чита-
теляхъ, какъ пеликаны о своихъ дѣтяхъ, то теперь эти недостойныи
сомнѣнія должны съ грохотомъ пасть. Сатириконецъ отрываетъ
лучшіе куски души своей и отдаетъ ихъ читателямъ: нате, кушайте!

Расширеніе умственнаго и научнаго кругозора нашихъ читателей — суть
первѣйшая забота руковод. журнала. Поэтому вниманію читат. предла-
гаются: 3 первыхъ выпуска „Вѣстника Знанія Нового Сатирикона.“

1. ХРЕСТОМАТІЯ ГАЛАХОВА, примѣнительно къ взрослымъ.

2. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ. (Смѣшно, если бы мы остано-
вились передъ грандіозностью задачи. Нужно — значить нужно. И
ничего тамъ разговаривать.)

3. СПИРИТИЗМЪ И ОККУЛЬТН. НАУКИ. (Даже объ этомъ мы подум.)

Театръ и все остальное. Альбомъ шаржей. Работа извѣстнаго
художника РЕ-МИ (Н. Ремизова.)

Артисты. Критики. Рецензенты. Драматурги и проч.

НВ. Незнакомыхъ или неизвѣстныхъ лицъ въ этомъ альбомѣ
не будетъ. . . . Если даже кто нибудь изъ таковыхъ и попадетъ
случайно въ альбомъ, то пребываніе такого лица въ этомъ альбомѣ
уже сдѣлаетъ его извѣстнымъ, чѣмъ заданіе и будетъ выполнено.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

безъ доставки 6 руб. 80 коп., съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи: на годъ 8 р., на 1/2 года 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 1 м. 70 к.
За границу: „ 12 „ „ 1/2 „ 6 „ „ 3 „ „ 1 „ 1 р.

Допускается разсрочка:
при подпискѣ 3 р., къ 1 мая 2 р., къ 1 июля и 1 сентября по 1 р. 50 к.
Для коллективныхъ подписокъ устанавливается особа льготная раз-
срочка, а именно: при подпискѣ 2 р. и ежем. каждое 1-ое число по 50 к.

Адресъ редакціи и конторы: Невскій просп., 88. Тел. 59-07.

Редакт.: Арнадій Аверченко. — Издат.: Т-во „Новый Сатириконтъ“.

СРЕДИ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Одинъ старый скептикъ (и большой поклонникъ женщинъ) любитъ говорить, что онъ принципиально не читаетъ книги, если авторъ—женщина. Исключение онъ дѣлаетъ, будто бы, только для Щепкиной-Куперникъ. Онъ, вообще, склоненъ къ парадоксамъ, но что Щепкина-Куперникъ талантливѣе многихъ и многихъ писателей изъ непрекращающейся половины рода человеческого—всѣ согласятся. Это такъ себѣ, кстати, по поводу ея воскреснаго фельетона въ „Бирж. Вѣдом.“ (№ 15239). Фельетонъ называется „Въ странѣ исчезнувшихъ часовъ“.

Недавно я провела цѣлый вечеръ, разбирая пачку старыхъ цисемъ, на которой написано: „Тѣ, кого уже нѣтъ...“.

Превосходно написанные обрывки воспоминаній о Саблинѣ (редакт. „Русск. Вѣд.“), Гольцевѣ („Русск. Мысль“), о кн. А. И. Урусовѣ, съ его бархатнымъ баритономъ и французскими цитатами, съ тяжелой тростью и англійскимъ пледомъ для больной ноги и „три любви его жизни“, разказами о которой-нибудь изъ нихъ онъ всегда былъ полонъ: Ермолова, Флоберъ и имѣнные Марьянка...

Наконецъ, тотъ, о комъ и сейчасъ всего больнѣе тоскуетъ душа, чью утрату нельзя забыть—А. П. Чеховъ...

...И вспоминаются мнѣ тѣ дни. Большой меблированный домъ на Тверской; двѣ самостоятельныя половины—съ Тверской—„Лувръ“, тамъ жила моя подруга, тогда восходящая звѣзда, прелестная молодая артистка; съ Леонтьевского—„Мадридъ“, гдѣ жила я... То были веселые дни, а часто и ночи—особенно оживлявшіяся, когда прїѣзжалъ А. П. и начинались „общія плаванія“... Чеховъ такъ и назывался „Авеманомъ“. У насъ у всѣхъ были, какъ всегда въ тѣхъ-то кружкѣ, какія-то шутивыя прозвища. Гольцевъ звалъ меня „Конституція“... Куманинъ (покойный редакторъ „Артиста“, у котораго я напечатала свою первую пьесу „Лѣтняя картинка“, когда мнѣ еще не было 18-ти лѣтъ)—„бабушкой“,—а особенно неистощимъ былъ на прозвища А. П.—Его любимое обращеніе ко мнѣ было „маститый беллетристъ“, и въ подражаніе кн. Урусову, на своихъ карточкахъ писавшему „lisez Flaubert“, онъ на моей написалъ „lisez Schepkina-Koupernick“.

Въ Москвѣ тогда, правда, жилось шумно и интересно. Зарождался и расцвѣлъ „Художественный театръ“; у Мамонтова пѣлъ молодой Шаляпинъ; на выставкахъ чаровалъ Левитанъ; у Корниа ставилась „Борьба за счастье“—Ковалевской; въ уютномъ особнякѣ у Тихомірова собиралась семья литераторовъ праздновать „Татьяну“; лекціи и рефераты, разрѣшенные и запрещенные, смѣнялись цыганами или... игрой въ фанты гдѣ-нибудь у насъ, гдѣ наряду съ нами и сѣдые старики писали записочки и играли въ „мнѣнія“; иногда въ полумракѣ слушали пѣніе талантливой молодой пѣвицы В. Эберле, которая въ Большомъ театрѣ пѣла свѣжо и поэтично Татьяну,—а вотъ такъ, въ дружномъ кружкѣ, неподражаемо пѣла русскія пѣсенки подъ балабайку; ея „Перекати-поле“ и „Хуторокъ“, заставлявшіе плакать слушающихъ, до сихъ поръ звучатъ въ моихъ ушахъ. И вся она, съ ея русской красотой, будь это теперь, навѣрно, превзошла бы успѣхомъ Плевицкую, но тогда русскія пѣсни еще не вошли въ моду. То осмотрѣ новыя этюды Левитана, привезенныхъ съ лѣтней поѣздки по Волгѣ,—то чтеніе новой пьесы Чехова; и каждый день что-нибудь новое, захватывающее и увлекательное...

Иногда стукъ въ дверь часа въ 2 ночи... и „сборъ всѣхъ частей“ къ „Яру“ или въ „Стрѣльну“; но даже и тамъ, посреди смѣха, пѣнія, шампанскаго и цвѣтовъ (мы предвосхищали пѣніе футуристовъ и первые бросали въ бокалы лепестки цвѣтовъ, увѣряя, что это очень вкусно, особенно съ розовой камеліей),—никогда никто не вносилъ какой-бы то ни было ноты пошлости. Всѣ наши друзья, съ „серебрянымъ дѣдушкой“ во главѣ, не только видѣли въ насъ „товарищей“, но и рыцарски уважали женщинъ,—и налетъ духовнаго аристократизма лежалъ на всемъ,—да и не могло иначе быть тамъ, гдѣ былъ Чеховъ.

Но иногда изъ Москвы тянуло въ тишину и на отдыхъ, и тогда отрадно было попасть въ Мелихово. Бѣдный А. П. иногда страдалъ отъ наплыва множества гостей; но мнѣ приходилось бывать обыкновенно, когда никого не было, кромѣ семьи. И семью я любила всю... Для меня почему-то между всѣмъ чеховскимъ и тургеневскимъ есть какая-то тайная связь; можетъ быть, то проникновеніе въ душу природы, которое есть у обоихъ. Хотя, конечно, и разница громадная между „тургеневскимъ“ и „чеховскимъ“; вотъ и усадьба Чехова не была „тургеневской“,—не старинный домъ съ колоннами, и вѣковой паркъ съ бесѣдкой миловидной; нѣтъ,—настоящая „чеховская“ усадьба, новаго исполненія, съ новымъ, низкимъ, одноэтажнымъ домомъ; съ садомъ, гдѣ много было новыхъ посадокъ, сдѣланныхъ его руками; но прелестью и уютомъ вѣяло отъ маленькой усадьбы и задумчивымъ покоемъ...

Все что прошло, всегда кажется милѣе настоящаго. Прошлое подергивается дымкой, въ которой преобладаютъ розовые тона. Это психологическій законъ. Въ настоящемъ столько же радости бытія, какъ и въ любимомъ прошломъ, но мы съ трудомъ его находимъ, не умѣемъ, не стараемся—хочется возразить талантливой писательницѣ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗДАНИЯ ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНИИ КРАСНАГО КРЕСТА.

Вышелъ изъ печати иллюстрированный каталогъ художественныхъ изданій Общины св. Евгеніи Краснаго Креста, съ 1896 г. по 1915 г.

Дѣло художественныхъ изданій Общины св. Евгеніи находится подъ ближайшимъ руководствомъ Комиссіи, состоящей изъ извѣстныхъ русскихъ художниковъ; съ самаго основанія этого благотворительно-издательскаго дѣла въ немъ принимаетъ ближайшее участіе И. Е. Рѣпинъ, давшій для каталога въ годъ своего юбилея автопортретъ съ автографомъ. Комиссіей за девятнадцатилѣтній періодъ выпущено около 7000 разныхъ сюжетовъ открытых писемъ, въ числѣ которыхъ имѣются: посвященные значительнымъ историческимъ событіямъ; снимки съ картинъ и сокровищъ Дворцовъ, картинъ Эрмитажа, Музеевъ обѣихъ столицъ, Романовская галерея (около 80 картинъ въ особомъ étui); архитектурныя памятники Россіи, обращено особенное вниманіе на картины старыхъ мастеровъ; изданы снимки съ рисунковъ, бывшихъ на выставкахъ „Кружка любителей изящныхъ русскихъ изданій“, иллюстрирующихъ русскую жизнь въ эпоху Отечественной войны и портреты русскихъ женщинъ въ гравюрахъ и литографіяхъ. Воспроизведены въ краскахъ рѣдчайшіе листы изъ собранія покойнаго П. Я. Дашкова—виды стараго Петербурга съ акварелей Патерсона, Машкова и др.; типы стараго Петербурга съ акварелей Гайслера.

Современные художники, не взирая на направленія, находятъ совершенно безпристрастное отраженіе своей дѣятельности въ изданіяхъ Общины. Такъ, на примѣръ, изданы кустарныя игрушки въ акварельныхъ композиціяхъ Ал. Ник. Бенуа; „Четыре времени года“ и „Дни недѣли“—въ акварельныхъ рисункахъ К. А. Сомова, много вещей Врубеля; портретъ Айседоры Дунканъ, исполненный съ натуры по заказу Комиссіи Л. С. Бакстомъ. Эти работы исполнены исключительно для открытыхъ писемъ Общины св. Евгеніи.

Можно сказать безъ преувеличенія—ни одинъ выдающійся художникъ, ни одно мало-мальски значительное явленіе въ области искусства не остается безъ отклика со стороны издательства. Императорскіе опера и балетъ представлены въ постановкахъ Л. С. Бакста „Фей Куколь“ и „Карнавала“ Шумана, Алекс. Бенуа — „Павильонъ Армиды“, И. Я. Билибина — „Борисъ Годуновъ“. Многія изъ изданій распроданы, нѣкоторыя остаются въ ограниченномъ количествѣ.

Въ каталогъ не вошли только-что вышедшія изъ печати открытыя письма съ рѣдчайшихъ литографій 20-хъ годовъ XIX в. и около 50 портретовъ русскихъ писателей—изданіе полезное для учебныхъ заведеній. Въ послѣдніе годы Комиссія Общины издала рядъ художественныхъ книгъ-путеводителей: по Петрограду, Павловску и Костромѣ; „1812 годъ въ басняхъ Крылова“, съ иллюстраціями Г. И. Нарбута. Путеводитель по картинной галереѣ Эрмитажа—трудъ А. Н. Бенуа, распроданъ и печатается новымъ изданіемъ значительно переработаннымъ и дополненнымъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ ОБЩИНЫ СВ. ЕВГЕНИИ:
въ Петроградѣ главный и для иногороднихъ,
Пески, Старорусская, 3. Община св. Евгеніи.
Городской: Петроградъ, Морская, 38. Въ Москвѣ: Кузнецкій мостъ, д. Тверского подворья.